

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА
КУБАНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ #1

МЕДИА
КНИГА

ВАСИЛИЙ
САХАРОВ

СОЛДАТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

16+

Василий Сахаров

Солдат

«МедиаКнига»

2012

Сахаров В. И.

Солдат / В. И. Сахаров — «МедиаКнига», 2012

По Земле прокатилась чума, и апокалипсис все же произошёл. Мир лежит в развалинах, но проходит время, уходит Эпоха Хаоса и в разных концах планеты, люди сходятся вместе и пытаются возродить славное прошлое. Прошли годы, большинства городов не существует, авиации нет, техники мало, производства разрушены, людей не хватает, но тем не менее вновь идут войны, плетутся заговоры и политические интриги, а герой книги, самый обычный парень из лесной деревни, выходит в большой мир и находит в нём своё место. Содержит нецензурную брань.

© Сахаров В. И., 2012

© МедиаКнига, 2012

Содержание

Василий Сахаров	5
Кубанская Конфедерация – 1	5
Василий Сахаров	7
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Василий Сахаров
Солдат

Кубанская Конфедерация – 1

Василий Сахаров

СОЛДАТ

Пролог

Северный Кавказ. Станица Зольская
05.05.2060

Патронов оставалось два рожка, гранат нет, поддержки нет, тяжёлое вооружение ещё в прошлых боях потеряли, и, похоже, нашему славному гвардейскому батальону приходит полный пиндык. Сейчас «индейцы» перекурят, анаша их торкнет, они насваем сверху закинутся, подтянут миномёты, накроют нас огнём, а потом пройдут поверх наших окопов и добьют выживших.

Мля, говорил мне поселковый староста, сиди в родном лесу и не вылезай в большой мир, так нет же, на романтику и приключения меня, долбоноса лесного, потянуло, сбежал из родного села и в армию ушёл. Тогда мне казалось, что всё замечательно, в один из лучших отрядов во всём нашем государстве попал. Да уж, теперь-то я понимаю, что «попал» реально.

Из блиндажа до меня донёсся рёв комбата, полковника Ерёменко, который в очередной раз по рации общался со штабом нашего экспедиционного корпуса:

– Пидоры! Суки! Попомните моё слово, если я выживу, лично вас, тварей, кончу! Ушлёпки! – На некоторое время его голос стих, но ненадолго. – Чего ты меня лечишь, ге-не-рал сраный? Какая на хер позиция, какие фланги? Я тебе нормальным русским языком говорю, что ни справа, ни слева, на несколько километров вокруг никого нет, и мы здесь одни остались. Ты нас подставил, скотина! Да пошёл ты, мудака!

Ерёменко, как никто похожий на медведя, огромный, здоровый мужик под два метра ростом, всклокоченный, в незастёгнутой разгрузке, с АКМом в правой руке, вылетел из блиндажа и присел на пустой ящик рядом с входом.

– Козлы! – выдохнул он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Ненавижу! – После этих слов комбат достал из нарукавного кармашка камка смятую пачку сигарет без фильтра, вынул одну скомканную белую бумажную палочку и обратился ко мне: – Саня, дай прикурить.

Приподнявшись, я перекинул ему коробок спичек и спросил:

– Что, Иваныч, плохо наше дело? – Я был фамильярен с полковником, но сейчас это не играло никакой роли.

Полковник прикурил, затянулся во всю мощь своих сильных лёгких, с наслаждением выдохнул и ответил:

– Да, Санёк, дела наши не слишком хороши, но мы ведь – гвардия и, значит, будем стоять насмерть, чтоб им всем пусто было. Ты как, готов к подвигу?

– Ага, – ответил я, а что я ещё мог сказать?

– Вот и правильно, – вновь затягиваясь сигареткой, философски заметил Ерёменко. – Пройдись по окопам, сержант, посмотри, сколько наших бойцов в живых осталось.

– Это я и так знаю, после крайней атаки считал – сорок два солдата и два сержанта.

– А кто второй сержант?

– Исмаил-ага.

Ерёменко швырнул бычок в стенку траншеи, и он, ударившись о земляной откос, сыпанул искрами и упал ему под ноги. Комбат тоскливо вздохнул и сказал:

– Получается, Сашко, что ты теперь мой зам.

– Это так важно, командир?

– Командная цепь всегда важна. – Он приподнялся, выглянул из нашего укрытия и добавил: – Всё, сержант, «индейцы» миномёты на высотку вытягивают, и у нас осталось десять минут.

– Десять минут, – я в задумчивости посмотрел на небо, – это неплохо.

Комбат прикурил ещё одну сигаретку, сплюнул с губы прилипший табак и вслед за мной задумчиво посмотрел на синее небо, которому было безразлично, сдохнем мы сегодня здесь или останемся жить. Затянувшись, он спросил:

– Что думаешь, сержант, есть там наверху кто-то, кто примет наши души в некий рай?

– Без понятия, Иваныч, никогда всерьёз не размышлял над этой темой.

– Ну да, конечно, ты молодой ещё. – Он усмехнулся и спросил: – А помнишь, как ты к нам попал?

– Помню, – улыбка растянула мои пересохшие губы, – такое надолго запоминается.

– Хорошее время было.

Ответить Ерёменко я не успел, так как нам стало не до разговоров. В воздухе противно завывали мины, мы спрятались в блиндаж, а смертоносный груз, посылаемый «индейцами», падал на наши позиции и перепахивал землю. В блиндаже нас сидело трое: комбат, связист Костик Свиридов и я. Мы надеялись, что сможем переждать время огневого налёта в укрытии, а после этого принять бой с «индейцами» и ещё какое-то время подёргаться, но надежды наши не оправдались. В хлипкие перекрытия блиндажа сверху ударила начинённая взрывчаткой мина, и последнее, что я почувствовал в тот день, была непомерная тяжесть земли, обрушившейся на мою спину.

Глава 1

Кубанская Конфедерация. Посёлок Лесной
16.11.2056

Бежал я долго, и лёгкие уже отказывались прогонять через себя воздух, лицо было испарано ветками, а полушубок измазан в болотной грязи и изорван сразу в нескольких местах. Хотелось упасть на покрытую первым снежком землю, ухватить прохладу в ладони, размазать эту смесь по лицу и хотя бы таким способом остудить его, горящее от прилившей к щекам крови. Нет, останавливаться было нельзя, и, преодолевая усталость, пересиливая слабость тела, я заставлял себя переставлять ноги и бежать.

Позавчера мне исполнилось семнадцать лет, и, по меркам родного государства, я стал совершеннолетним. Празднование этого события у меня, сироты, пять лет назад оставшегося без родителей и проживающего на попечении общины, в батраках у старосты, выглядело вполне обычно: распитие самогона на конюшне с товарищами, такими же, как и я, временно подневольными работягами, и здоровый сон. В общем, день как день и прошёл он вполне предсказуемо. Мой последний день в родном посёлке Лесном, который расположился в лесах неподалёку от хребта Пшаф с одной стороны и городом Горячий Ключ с другой.

Ситуация вышла из-под контроля около полуночи, когда ко мне в каморку проникла Верка, младшая дочка старосты, крепкая двадцатилетняя деваха, весьма разгульного образа жизни, которую батя никак не мог пристроить замуж. Не сказать, чтоб она была страшненькая или имела какой-то физический недостаток, врать не буду. На вид Верка вполне нормальная и довольно симпатичная девушка, вот только мужиков любила сверх всякой меры, и, наверное, не было в нашем посёлке такого представителя сильного пола, с которым развесёлая Старостина дочка не провела бы ночь. Хм, видать, пришла и моя очередь.

Не зажигая восковой свечи, стоящей в изголовье моего топчанчика, Верка скинула с себя шерстяное платье и залезла ко мне под одеяло. Тело её было жарким, хотелось обхватить его руками и мять, прикоснуться ладонями ко всем манящим выпуклостям, но было как-то боязно. Впрочем, девушка полностью взяла инициативу на себя, и у нас всё сладилось очень даже удачно, три раза подряд.

Уснули мы в обнимку, а когда рано утром я проснулся, то обнаружил, что надо мной нависают четыре бородатых лица. Одно лицо принадлежало старосте Никите, крепкому дяде с мощными кулаками, местному корольку, а три других – его амбалистым сыновьям: Семёну, Игнату и Петру.

– Вставай, зятьёк. – Староста ласково, как родному, улыбнулся мне, обнажив жёлтые прокуренные зубы.

Мне стало не по себе от таких слов, и я оглянулся на Верку, которая показала из-под одеяла свою сонную растрёпанную мордашку и недоуменно разглядывала отца с братьями.

– Чего это, сразу зять? – попробовал я отмазаться. – Дядя Никита, что за дела? Ты ведь знаешь, я теперь свободен и сам определяю, что мне делать и куда идти? Какой зятьёк? Ничего не знаю.

– Ах ты, курвец, – улыбка не только не покинула лицо старосты, но стала ещё шире, – мою девочку, цветок нераспустившийся, совратил, а теперь в кусты? Нехорошо так поступать, Сашко, неправильно. Придётся тебе жениться на моей дочке. Ты не переживай, свадьбу в три дня сыграем, дом вам выделю, хозяйство какое-никакое, коровку, свинок, и станешь ты правильным крестьянином, честным жителем Лесного.

– А если я не соглашусь?

– Тогда назовём тебя насильником и кастрируем, всё по закону.

– Папаня, – вклинулась в разговор Верка, – а чего это вы здесь? – Она, как сытая кошка, потянулась всем своим дебелим телом, и её горячее бедро коснулось моего.

– Да вот, доча, замуж за Сашку Грамотея тебя выдать хочу. Ты не против?

Верка повернулась ко мне, окинула оценивающим взглядом и своими словами подписала мой приговор:

– Нет, не против, справный мужик и мужем хорошим будет. Молод, правда, конечно, но это ещё и лучше.

– Ну, – староста встал с табуретки, на которой сидел, – раз все согласны, счастья и любви вам, дети. Благословляю вас. Совет и любовь, как говорится.

Никита и его сыновья покинули мою комнатку, а я задумался. Да, хитёр староста, одним махом два дела делает: дочку беспутную пристраивает и меня, единственного грамотного человека из молодёжи, кто в посёлке живёт, на землю сажает. Зря я с ним на прошлой неделе разговор завёл, что в город уйти хочу, ой, зря. Оно-то, конечно, жениться я не против, и хозяйство завести, и дом, и детишки чтоб были, психология деревенская во мне крепкие корни пустила, но в семнадцать лет о свадьбе думать рановато, и не с Веркой мне моё будущее виделось.

Тем временем дочка старосты потянулась ко мне, поцеловала в губы и, склонив голову на мою грудь, сказала:

– Ты не подумай, Сашка, я тебе верная буду. Ты только будь со мной всегда и ублажай почаще.

– Верунчик. – Приподнявшись, я взглянул на девушку и спросил: – О чём ты говоришь? Ты мне не нужна, вот и весь сказ.

– Куда ты денешься, дурашка. – Её руки шаловливо заскользили по моему обнажённому телу. – Сбежать ведь всё одно не выйдет, а папаня – он такой, сказал, что кастрирует, значит, так и сделает. Ведь нам хорошо было ночью, правда?

– Хорошо-то хорошо, ты баба горячая, спору нет, но мне здесь не место, да и подло это – подставлять меня так.

– Жизнь такова, Сашенька, а ты ничего изменить не сможешь, так что покорись и прими всё как есть.

– Ну ладно, – решил я схитрить, – раз уж дело так повернулось, пойду нам дом присматривать.

– Подожди, не спеши, – Вера обхватила меня руками и навалилась сверху, – давай ещё разок.

В общем, пришлось ублажить ненасытную деваху ещё разок и только после этого выходить на двор. Здесь меня уже ждали мои вчерашние собутыльники, которые, вот же сволочи, прекрасно знали, что со мной должно было произойти, и от души были этому рады. Понимаю их: перекинули стрелы на меня и от Верки, с которой неоднократно на сеновале валялись, на некоторое время избавились.

– Поздравляю! – Первым ко мне подлетел Ефим, небольшого росточка мужичок, должник Никиты. – Теперь ты, Сашка, большой человек в посёлке – будешь зять самого старосты.

– Пошёл ты, – толкнул я его в грудь. – Чего не предупредил?

– Успокойся. – Хлопнув меня по плечу, рядом нарисовался Шкаф, каторжник, присланный в посёлок на исправление как рабочая сила, под ответственность общины. – Староста не велел тебя предупреждать, а против его слова в посёлке никто не пойдёт, так что без обид, Грамотей.

– Ладно, – согласился я и направился со двора.

– Саня, – окликнул меня Шкаф, – не дури, Никита всех мужиков предупредил, что ты сбежать можешь, а кто тебя упустит, тот неприятностей огребёт.

– Да-да, – вторил ему Сивый, ещё один работник старосты, занимающийся ремонтом ворот, – а кому-то из нас придётся на Верке жениться. Ты пойми, Санёк, нам этого не надо, долги отработаем и по своим дворам разойдёмся. Нам проблемы с Никитой не нужны.

Я направился осматривать новенькие деревянные дома, построенные этим летом и стоящие неподалеку от подворья старосты. Про то, как я стал женихом, уже весь посёлок знал. Кто-то улыбался, кто-то посмеивался, а пара молодых девчат, с которыми я только по осени после танцев целовался, печально улыбнулись и, не перекинувшись даже словом, прошли мимо. Вот так вот, ещё вчера Сашка Мечников по прозвищу Грамотей, крепкий статный блондин с серыми глазами, которого природа силой не обделила, был для них желанной партией, а сегодня – всё, запретный плод и чужой жених. Эх, пропади всё пропадом, надо бежать, больше ничего на ум не приходит. Староста думает, что подловил меня, что нет у меня бумаги, личность удостоверяющей, но это не так, в подкладе моего полушубка было зашито свидетельство о рождении, заверенное не абы где, а в городской управе. Так что дело остаётся за малым – добраться до города.

Прохаживаясь по домам, я делал вид, что осматриваю их, готовлюсь к будущему заселению, а сам смотрел в сторону леса, который начинался сразу же за посёлком. К полудню вернулся на подворье старосты, плотно пообедал и обсудил с будущим тестем приданое, которое он давал за Веркой. Надо сказать, по меркам Лесного, приданое было хорошим: стельная корова, три поросёнка, кролики, корма, мебель, одежда и бельё. Некоторые местные парни были бы этому только рады, но я уже определился в своём жизненном пути и, после разговора с Никитой, вновь направился в посёлок. Ещё раз прошёлся по дворам новостроек, улучил момент, когда меня никто не видел, и юркнул к поселковому тыну. Своротив хлипкое подгнившее брёвнышко, пролез через дыру, немного пробежался по зарослям можжевельника и оказался в лесу.

Чередуя бег и шаг, налегке, направился на юго-восток, в сторону Горячего Ключа, ближайшего городка и нашего районного центра, в котором я мог найти своё спасение. Переходя с горки на горку и не выходя на дорогу, охотничьими тропами, не останавливаясь ни на минуту, я шагал к заветной цивилизации. К вечеру переправился через речку Малый Дыш и остановился на ночёвку. Несколько часов вздремнул у костерка и, проснувшись, до самого утра мечтал о своём будущем и месте, какое я займу в городском обществе. Понимал, что планы мои далеки от реальности, но они отвлекали меня от мыслей о сыновьях старосты, которые наверняка уже вышли из посёлка с собаками-ищейками на поводках и идут за мной вслед.

Что я знал о том мире, в котором был всего пару раз и который был моей мечтой всю сознательную жизнь? Несмотря на множество прочитанных книг и газет, хранившихся у старосты после смерти моих родителей, не так уж и много. В 2013 году некий американский учёный, смесь гота и анархиста, раздобыл споры чёрной оспы и создал чрезвычайно агрессивный боевой вирус, который расплылся над Нью-Йорком с вертолёта. С этого города и началось его победное шествие по Земле. За три года население планеты сократилось в пятьдесят раз. Вирус выкосил всех, кто не смог от него уберечься, и сгинул, как его и не бывало, и только миллионы гниющих на улицах городов трупов были памятью о его работе. Может быть, вирус исчез окончательно, знающие люди говорили, что такое возможно, если он был запрограммирован на какой-то определённый срок жизни, а может быть, он затаился до поры до времени в недрах земли и развалинах городов. Никто этого не знал, а по большому счёту и знать не хотел. Выжили только люди с хорошим иммунитетом и те, кто отсиделся в подземных бункерах. Это время было названо Тремя Чёрными Годами.

После Чёрного Трёхлетия наступила Эпоха Хаоса. Выжившие после эпидемии люди, потеряв правительства, наплевав на закон и общепринятые нормы морали, начали бороться за выживание по принципу: убей ближнего своего, пока тебя не убил дальний. Двадцать лет с краткими перерывами продолжалась кровавая вакханалия, в которой было сделано многое

из того, что не должно было случиться в обычной жизни. Стартовали ядерные боеголовки, посланные умирающими в подземных бункерах от болезней и голода офицерами, желающими хоть так напомнить миру о своём существовании, взрывались химзаводы, протекали ядерные реакторы, которые некому было обслуживать, а гидродинамический напор рек и озёр сносил плотины. Многие доселе плотно заселённые области обезлюдели, скрылись под водой, были заражены радиоактивными осадками, антисанитария и война за ресурсы выкашивали род людской без всякой жалости, но и эта эпоха закончилась.

Человек – существо стадное, и он не может долгое время быть без общества себе подобных. Люди стягивались в группы, племена, выбирали вождей, правителей, царей и диктаторов. Жизнь налаживалась, казалось, что возможно новое возрождение человечества, возвращение в Золотой Век, но снова, как и встарь, вставали проблемы политики и ресурсов. Каждое государственное и племенное образование, в том числе и Кубанская Конфедерация, в которой я родился и проживал, стремились расширить свои границы, стать сильнее соседей и отвоевать себе место под солнцем.

Конфедерация образовалась из содружества нескольких так называемых республик с центрами в Тихорецке, Кропоткине, Майкопе, Горячем Ключе, Новороссийске, Темрюке и Тимашевске. Столицей этого аморфного образования стал полностью разрушенный в Эпоху Хаоса краевой центр, город Краснодар, из которого объединёнными усилиями республиканских ополченцев и наёмников были выбиты остатки ослабленных голодом и болезнями банд. Прошло ещё двадцать лет, Кубанская Конфедерация подмяла под себя три четверти бывшего Краснодарского края и на данный момент стала островком спокойствия, к которому тянулись беженцы из других мест. Для кого-то это был рай на земле, место, где можно было почувствовать себя в безопасности, а для кого-то и жирный кусок, от которого хотелось отломить что-то для себя.

Кем бы хотел быть я? Чем могу быть полезен большому миру? По большому счёту, сейчас я никто и звать меня никак, обычный сельский парень, грамотный, физически крепкий, молодой и без вредных привычек. Первая моя мысль была пристроиться где-то в городской управе, хотя бы мелким писарем или делопроизводителем, но, хорошенько подумав, я пришёл к выводу, что, несмотря на всю мою начитанность, мне в этом направлении ничего не светит. Таких как я слишком много, а у меня ни связей, ни денег. Оставался только один путь – военный, так как ни к чему другому душа у меня не лежала. Как говорил покойный папа, мы, Мечниковы, только три дела можем делать хорошо: воевать за родину, людей грабить да в бумагах старых копаться. Что же, наверное, родитель мой покойный был прав. Теперь оставалось только благополучно добраться до города, найти военных, про которых среди поселковой молодёжи ходили легенды, и подписать контракт на службу в армии Кубанской Конфедерации.

Утром, чуть только развиднелось, я снова двинулся в путь и вот, когда я уже прошёл Золотую Гору и подходил к Заречью, незаселённым городским окраинам, позади себя услышал заполосный лай собак. Погоня была недалеко, и, перейдя недавно восстановленный мост через Псекупс, я рванулся в центр. Бежал так, как никогда до сего момента не бегал. На кону были мои яйца, и, думаю, каждый мужчина меня поймёт, они мне были чрезвычайно дороги. Староста – чёрт с ним – не хотел допустить потери своего авторитета, позиция его понятна, а вот у меня на кон была поставлена вся дальнейшая жизнь. Чья ставка больше? Думаю, что моя.

Добравшись до заселённых районов города и отдышавшись, я сразу же подошёл к ближайшему патрулю Народной Стражи. Стражники разглядывали меня с подозрением, но не трогали, так как на спине моего полушубка красовалась надпись «Посёлок Лесной», а значит, для них я был почти своим.

– Господин стражник, не подскажете, где я могу в армию записаться? – обратился я к старшему, серьёзному усатому мужчине средних лет с красной повязкой на рукаве серой шинели и коротким автоматом на груди.

Тот усмехнулся, провёл ладонью по усам и ответил:

– Два квартала прямо, на перекрёстке свернёшь налево и топай до конца, упрёшься в двухэтажное здание из красного кирпича, это и будет военный комиссариат. – Он выпростал из кармана шинели левую руку, посмотрел на часы и добавил: – Сейчас шестнадцать тридцать, вояки работают до семнадцати часов, так что поторопись.

– Благодарю, – бросил я уже на ходу и опять, загнав поглубже усталость, перешёл на бег.

Успел я вовремя, повезло, не заблукал в городских лабиринтах и военный комиссариат нашёл быстро. Заскочив в здание, я сразу же направился к молодому, лет двадцати, офицеру, который сидел в стеклянной будке на проходе во внутренние помещения.

– Здравствуйте, – устало выдохнула моя голова.

– И тебе не хворать, парень, – ответил офицер. – Чего хотел?

– В армию вступить.

– Завтра приходи, все уже по домам разошлись.

– Нет, мне именно сегодня надо, обязательно. Пожалуйста, господин офицер.

– Сказали тебе, завтра, значит, так оно и есть, иди с миром, парень, не нервируй меня. – Голос дежурного офицера приобрёл угрожающие интонации. – Минута тебе, чтоб свалить. Время пошло!

«Вот и всё, – мелькнула у меня в этот момент мысль, – отбежался, ты, Сашка Мечников». Но, видно, удача не оставляла меня в этот день: из коридора появился широкоплечий здоровый мужик в камуфляже, зелёной армейской кепке и при погонах, на которых была видна одинокая, средних размеров жёлтая звёздочка.

– В чём дело, лейтенант? – обратился он к дежурному.

– Товарищ майор, – вскочил со стула офицер и кивнул на меня, – пареньёк хочет в армию записаться, но все разошлись. Говорю ему, чтоб завтра приходил, а он не уходит... Может, наряд вызвать?

– Лейтенант, вы в курсе, кто я и зачем приехал в ваш городок?

– Так точно, майор Ерёменко, «покупатель».

– Я лично займусь парнем. – Майор повернулся ко мне, окинул оценивающим взглядом и спросил: – Значит, желаешь контракт подписать?

– Очень. – Мой кивок подтвердил слова.

– Документы в порядке?

Оторвав подкладку полушубка, продемонстрировал грозному майору запаянное в прозрачный пластик свидетельство о рождении.

– Грамотный?

– Да.

– Тогда пойдём со мной, рекрут. – Офицер-здоровяк развернулся на месте и направился внутрь здания.

Я последовал за ним.

Через минуту мы были в небольшом кабинете, обстановка которого состояла из обшарпанного стола и двух таких же стульев. Расположившись напротив офицера, я приготовился к какому-то собеседованию, но вояка время тянуть не стал, вынул из стола два бумажных бланка, чернильную ручку-непроливайку и положил всё это передо мной.

– Где пробелы, впиши фамилию, имя, отчество, дату рождения и подписывай, – сказал он.

– А почитать можно?

Майор почесал короткий ёжик волос на затылке, посмотрел на забранное железной решёткой окно и ответил:

– У тебя осталось восемьдесят секунд, парень. Мой рабочий день оканчивается ровно в семнадцать ноль-ноль.

– Всё понял, не дурак. – Я схватил ручку, быстро заполнил оба бланка и расписался.

– Вот и хорошо. – Майор забрал бумаги, закинул их обратно в стол, встал, дождался, пока встану я, и провозгласил: – Поздравляю, боец, отныне ты солдат Кубанской Конфедерации и в ближайшие пять лет будешь делать только то, что тебе прикажут. Усёк?

– Да, усёк.

– Херня, а не ответ. Твои слова: «Так точно, товарищ майор!»

– Так точно, товарищ майор! – послушно повторил я.

– Не слышу бодрости в голосе, но на первый раз сойдёт. Пошли в казарму, воин.

Мы направились на выход, и здесь нас ждали двое из трёх братьев Демидовых, Семён и Игнат. Третий, наверное, остался с собаками в Заречье, бойцовые и охотничьи животные в город не допускались. Оба брата что-то доказывали лейтенанту, а тот только разводил руками и, как только увидел нас, сразу же спихнул возникшую проблему на майора.

– Что такое? – Мой будущий командир резко шагнул вперёд, навис над братьями, и те как-то сразу стали меньше.

– Мы – братья Демидовы, а вот он, – Семён указал на меня пальцем, – насильник, сбежал из посёлка Лесной. Отдайте его нам, господин хороший.

– Это правда? – Майор уставился на меня.

– Нет, меня жениться заставляют, а я к такому серьёзному шагу ещё не готов.

– Знакомая ситуация, – сам себе пробормотал офицер и обратился к братьям: – Доказательства имеются?

– Какие доказательства? – вскрикнул Семён. – Нам никаких доказательств не требуется, мы сами закон.

– Нет бумаги, нет свидетелей, нет дела, а значит, ваше слово против слова солдата-гвардейца. Что главней? – Вопросительный кивок в сторону лейтенанта.

– Слово солдата Конфедерации, разумеется, – без раздумий доложил дежурный.

– В общем, так, братья Демидовы. Если вы сильно упёртые, то можете пойти в Народную Стражу, подадите на парня заявление, но мой вам совет: возвращайтесь домой, добычу свою вы упустили.

Братья, поняв, что майор прав, развернулись к выходу и покинули военкомат, а меня определили в казарму, которая находилась во внутреннем дворе, в другом двухэтажном здании.

Так началась моя служба в войсках славной Кубанской Конфедерации.

Глава 2

Кубанская Конфедерация. Горячий Ключ
17.11.2056

Итак, я был спасён и начинал новую жизнь. Первый свой вечер в казарме я не запомнил, – ноги гудели, тело ломало, а в глазах памороки стояли, так что единственное, на что меня хватило, скинуть с себя полушубок и забраться под грубое одеяло на деревянном топчане, который ничем не отличался от моего прежнего, в доме Никиты Демидова.

Служба началась на следующее утро, когда в комнату вошёл раздетый по пояс чернявый крепыш лет двадцати пяти, по виду натуральный адыг, похожий на тех людей, которые у нашего старосты иногда мясо закупали, и прокричал:

– Подъём!

Вскочив, я оглянулся и не сразу осознал, где же нахожусь. Протёр глаза, вспомнил вчерашний день и последовал за другими рекрутами, которые поднялись с соседних топчанов. Нас было немного, семь человек всего. Мы вышли в небольшой внутренний дворик казармы, и началась моя первая в жизни физзарядка. В какой-то древней полуистлевшей книжке, без обложки и, естественно, без названия, я читал про суровые армейские будни, и те описания теперь в общих чертах совпадали с действительностью. Значит, не полностью мы скатились в варварство, остаётся что-то неизменное в жизни общества, та же самая утренняя зарядка, например. Уже хорошо.

Пробежавшись несколько кругов по небольшому плацу, размялись, отжались, посетили турник и уложились минут в двадцать. В общем-то, крепыш с адыгейской внешностью гонял не сильно, а так, чисто для отметки, и меня это устроило. Всё же вчерашние нагрузки для организма даром не прошли, да и не ел я ничего целые сутки, какие уж тут зарядки, когда в животе требовательно урчит зверёк и мысли всё больше на пропитание скатываются.

Когда зарядка была окончена, сержант нас выстроил в шеренгу и заговорил:

– Для тех, кто появился вчера, – он посмотрел на меня и косматого, небритого мужика рядом со мной, – меня зовут сержант Ахмедов, я ваш временный командир, и вне строя можете обращаться ко мне просто – Исмаил-ага. Распорядок дня таков: полчаса вам на помывку и бритьё, затем завтрак и в казарму, обед, казарма, ужин, казарма и отбой. Вопросы?

– Когда уже в часть отправимся? – спросил косматый.

– Торопись покинуть это гостеприимное место, рекрут? – ухмыльнулся Ахмедов.

– Угу, – оскалился тот, обнажив ряд подгнивших зубов, – климат здесь для моего здоровья вредный.

– Завтра отправляемся, а пока отдыхайте, в батальоне будете бегать без остановок, с утра и до самой поздней ночи. – Сержант указал на высокого парня, стоящего с правого края шеренги, и сказал: – Ты – старший, всё как вчера, я в город, а вы сидите тихо. Если появится майор, скажешь, что ко мне земляк зашёл. Понятно?

– Так точно, товарищ сержант, – вытянулся высокий в струнку.

– Лизоблюд, – еле слышно пробурчал косматый.

– Разойдись! – отдал команду Ахмедов, и мы направились обратно в казарму.

С гигиеной было не очень – зубной щётки нет, порошка чистящего нет, полотенца нет, мыла нет, а есть только ряды умывальников с холодной водой на первом этаже. Вздохнув, поплескал на лицо водичей, обтёрся внутренней подкладкой полушубка и направился в столовую, располагавшуюся совсем рядом. Завтрак ещё готов не был, и, пока ждали команды от

поваров, стояли в коридорчике и вели разговор – кто, откуда, что да как и каковы причины, по которым в армию попал.

– Меня Домовым называйте, – сказал косматый мужик, что стоял в строю возле меня. – Кого и как зовут?

– Саня, – представился я.

– Костя Свиридов, – подал голос невысокий шуплый паренёк, подслеповато шутившийся и, казалось, смотрящий на мир с неким удивлением.

– Стас. – Это был высокий, которого сержант назначил старшим.

– Кир и Кор, – за двоих ответил наголо стриженный хлопец с чубом на голове, какой раньше украинские казаки носили, и, кивнув на второго такого же парня, который был его точной копией, добавил: – Мы братья.

Седьмой наш товарищ, пожилой мужчина в рваном пальто с руками, в которые вьелась чёрная машинная смазка, снял с головы побитую молью продолговатую шляпу и отрекомендовал себя так:

– Механик Шварц. – Он на мгновение замаялся и добавил: – Иосиф Самуилович.

– Вот и опознались, кто есть кто, – вновь оскалился Домовой. – Какими судьбами сюда попали?

– А тебе зачем? – спросил его Стас.

– Чисто для интереса. – Косматый встряхнул своими грязными патлами и слегка ударил себя в грудь:

– Лично я решил новую жизнь начать, а то на меня глава местной Народной Стражи, товарищ Тимофеев, за что-то зло затаил. Он почему-то считает, что я криминальный элемент, а я честный бродяга, никому в жизни зла не делал.

Понятно, бродяга – значит воришка.

– Ладно, – Стас опёрся на стенку, – это не секрет. Мне податься некуда, подумал, почему бы и нет, армия – это не самый плохой вариант.

– А мы беженцы с побережья, – опять за двоих ответил хлопец, хм, или это его брат был, непонятно.

Следующим откликнулся Свиридов:

– Говорят, что тем, кто контракт честно отслужит, образование в столичном университете бесплатное. Для меня это шанс.

– А я из Лесного, – сказал я, – со старостой поселковым не поладил, ушёл.

– А ты? – спросил Домовой механика Шварца.

Тот помялся, но всё же ответил:

– Сам-то я из Туапсинской республики, и так сложилось, что всегда был подле техники. Сначала чинил машины, движки перебирал, а затем освоил автомобиль и стал водителем при одном из торговых караванов. Проработал несколько лет, вошёл в долю с караванщиками, взял кредиты у серьёзных людей, а несколько дней назад, когда мы из Туапсе на Краснодар шли, на Гойтхском перевале нас горцы ограбили. Вот и получается теперь, что домой мне дороги нет, а у вас, конфедератов, вся техника у армейцев. Так что один у меня путь остался – армия.

– Люди, – задал я важный вопрос, которым не озаботился вчера, – а где мы служить-то будем? Понял только, что в какой-то гвардии, а что к чему, толком не знаю.

Засмеялись все, и для меня это было несколько обидно.

– Ха, тупица, – больше всех заходился в неприятном смехе Домовой.

– Спокойно, – утихомирил всех Стас и спросил:

– Ты чего, контракт не читал?

– Да как-то не до того было.

– В Конфедерации армия состоит из трёх частей. Первая – это региональные войска, которые подчиняются непосредственно городским властям тех территорий, на которых они

служат. Вторая – войска быстрого реагирования, находятся непосредственно в подчинении столицы, и место их постоянной дислокации – Краснодар. А мы будем служить в Четвёртом гвардейском батальоне. Таких батальонов всего четыре, и по сути это остатки регулярных воинских частей, уцелевших после развала России и переживших Эпоху Хаоса.

Оглянувшись на остальных, увидел, что рассказом Стаса заинтересовался не только я. Видимо, никто из присутствующих этого не знал.

– А почему они – гвардия?

– Ну, сам посуди, у них есть тяжёлое вооружение, оставшееся от старых времён, есть традиции, опыт, старые знамёна, в конце концов, так что самая что ни есть гвардия. Правда, в правительстве их не очень любят и элитой считают свои войска быстрого реагирования.

В это время в коридор выглянула румяная ряшка повара и позвала нас на завтрак, так что интересный разговор прервался.

Надо сказать, что кормили в армии хреново, в чём-чём, а в этом наши поселковые мужики были правы и не ввали ничуть. Я смотрел на жиденькую кашку из какого-то толокна, сваренную на воде без добавки какого-либо масла, прозрачный кипяток, обозванный чаем, и на два тоненьких кусочка серого хлеба и недоумевал, неужели так будет теперь всегда. Приплыли. У старосты, помнится, мясо на столе всегда присутствовало, а здесь, видимо, подобное угощение не практиковалось в принципе, по крайней мере для рядовых. Тогда у меня впервые мелькнула мысль, а не променял ли я шило на мыло, но, прикинув, что к чему, всё же решил, что был прав в своём стремлении покинуть посёлок.

Тем не менее есть хотелось, и, тоскливо вздохнув, я приступил к трапезе. Завтрак исчез в моём молодом желудке за пару минут, я по-прежнему был голоден, но до обеда должен был протянуть и не откинуть ноги от голода. Заметив, как я вёл себя за столом, уже в казарме ко мне привязался Домовой:

– Что, деревня, привык там у себя в лесах сало за обе щеки трескать, а теперь нос от еды вотишь? В обед отдашь свою пайку мне.

– Взял бы да пошёл в леса, – резко ответил я ему, – там рабочие руки нужны, глядишь, тоже сало будешь лопать. Что, работать западло? А насчёт пайки – перетолчешься, фуфломёт.

– Ты за базаром следи, щенок. – Мужик раскинул пальцы веером и угрожающе навис над мной.

Ничего, шутки эти мне знакомы, каторжник Шкаф в нашем посёлке два года уже живёт, многое успел рассказать про жизнь городскую, в том числе и про то, как надо на такие наезды отвечать. При таких раскладах закон один – бей первым. Подавшись телом вперёд, я резко двинул Домового в горло сжатыми костяшками левой руки, не сильно, но неприятно. Не ожидавший от меня подобного, он пошатнулся, потерялся, а я двинул его с правой в челюсть. Здоровый мужик от одного моего удара рухнул на пол и потерял сознание. К нему тут же подскокил Стас и проверил пульс на шее.

– Живой, – успокоил он меня и спросил: – Где так драться наловчился?

– Само как-то выходит, – пожал я плечами. – Меня староста поселковый в рабочий день постоянно ставил у быков в хлеву уборку делать, а быки – это сила, только удары понимают. Палкой их бить не разрешали, приходилось руками и ногами работать.

– И долго ты быков бил?

– Пять лет изо дня в день.

– Силён, – уважительно произнёс Стас и присел на свой топчан, который стоял рядом с моим.

– Стас, – спросил я его, – возле столовки мы не договорили, когда ты про гвардию рассказывал. Почему гвардейцев в правительстве не любят?

– Это с самого начала так пошло. Когда всё развалилось, то уцелевшие воинские части выживали за счёт сельских общин, крышевали их и от бандитских набегов защищали, а те в

ответ им продукты поставляли и новобранцев. В общем, они независимо жили, и кое-кто Эпоху Хаоса пережил благополучно, а когда республики решили в Конфедерацию объединиться, то использовали их уже как наёмников, чтобы территории от банд очистить. Как только столицу края освободили, так между вояками и новым правительством был подписан договор, согласно которому армейцы переходят в подчинение президента как его личные гвардейские части. По договору они снабжались всем необходимым в первую очередь и платили им вдвое больше, чем территориальным войскам. Пока они были нужны, правительство им в рот заглядывало, а как Конфедерация окрепла, так многим чиновникам не по нраву их обособленность и привилегии пришлись.

– Интересно рассказываешь. А откуда ты всё это знаешь?

– У меня дядька в Четвёртом гвардейском батальоне долгое время служил, пока ему во время рейда на Приморо-Ахтарск ногу не оторвало. Пока он был жив, многое мне порассказал, чего большинство граждан и знать не знает.

– Слушай, так куда мы завтра направимся?

– База нашего батальона находится в станице Павловской на границе с землями «бес-пределов». У нас работа такая будет – бродить по лесам и кончать всяких уродов, которые в Конфедерацию лезут.

– И почему именно мы этим будем заниматься?

– Э-э-э, – протянул Стас, – видать, что ты из лесов своих выбирался нечасто. Ладно, слушай. Каждый гвардейский батальон имеет свою особую специализацию, а получилось так опять же с Эпохи Хаоса. Первый батальон возник из Седьмой воздушно-десантной дивизии, которая в Новороссийске базировалась, они – штурмовики. Второй появился на основе арт-бригады и некоторого количества мотострелков из Майкопа. Они занимаются обороной и стерегут покой столицы. Третий – это сборная солянка из моряков Черноморского флота. Сам понимаешь, вся охрана нашего побережья на них висит. Это подразделение иногда ещё флотилией называют, хотя у них только пара военных кораблей на ходу, а основа личного состава – морские пехотинцы. Наконец, наш Четвёртый батальон – это всё, что осталось от Десятой бригады спецназа ГРУ, которая в Молькино квартировала.

– Никогда про такой населённый пункт не слышал, где это?

– Это там, где сейчас Саратовские болота. Слышал про такие?

– Кто же из местных про них не знает? Знаю, бывал там. Мы со старостой туда за лекарственными травами ездили, скупали их у болотников.

– Вот, в самом центре этих болот и был военный городок нашего батальона. Когда наступил Хаос, ирригационные системы сдохли, а вода из Краснодарского водохранилища те места и подтопила. Тогдашний комбриг Ерёменко-старший поднял людей, заправил всю технику остатками горючего, загрузил боеприпасов, сколько смог увезти, да и покинул часть. С тех пор у Четвёртого гвардейского постоянного пункта дислокации нет, где работа, там и дом.

– Стас, так я не пойму, мы батальон или бригада?

– Батальон, но очень большой. Всё зависит от того, что себе комбат может позволить. Это, конечно, тайна, – он понизил голос, – но небольшая. Батальон – это только название, на деле, как дядя говорил, в нашей части около тысячи только солдат, не считая иждивенцев.

– Много, во всём Горячем Ключе сейчас, насколько мне известно, не больше пятнадцати тысяч человек проживает, и это районный центр.

– Да, многовато, – согласился Стас, – поэтому чиновники и не хотят усиления нашего подразделения. Наш «покупатель», Ерёменко-младший, здесь уже пятый день сидит, а только нас семерых и набрал, хотя имеет предписание на пятьдесят человек. По городу заранее прошлись народные стражники и всех семейных предупредили, чтоб никто в военный комиссариат не вздумал прийти. Вот поэтому только такие, как мы, которым деваться некуда или терять нечего, и подписали контракт.

– Надо же, – удивился я, – самые настоящие интриги.

– Ха, а ты думал? Конечно, большая часть моих измышлений ими и останется, но глаза есть, а соображалка работает, так что выводы надо делать из всего, мало ли, что и где пригодится.

Пока мы вели разговор, очнулся Домовой, который нелепо, как лягушка, захлопал ладонями по полу и открыл глаза. Я приподнялся и слегка толкнул его ногой в бок.

– Ты как?

– Нормально, – ответил он, встряхивая головой.

– Проблема исчерпана?

– Да, всё путём. – Голос Домового был спокоен, но глаза его полыхнули такой затаённой злобой, что мне было ясно одно: проблема никуда не делась.

Вор отправился смыть с лица слюну, а Стас кивнул ему вслед:

– Сейчас он на тебя не рыпнется, ему из города свалить надо, но в будущем будь насто-роже.

– Непременно.

День прошёл, обед и ужин ничем не отличались от завтрака, и спать я ложился с таким же пустым желудком, с каким встал поутру. Однако мой новый товарищ, я говорю про Стаса, фамилия которого, кстати, была Иноков, заверил меня, что в части с продовольствием будет получше, и, успокоенный его уверениями, с надеждой на светлое будущее я лёг спать. Завтра меня ожидала первая поездка на поезде, и к такому знаменательному событию необходимо было подготовиться основательно, то есть выспаться.

Глава 3

*Кубанская Конфедерация. Станица Павловская
21.11.2056*

На следующее утро на железнодорожной станции города Горячий Ключ мы погрузились в обшарпанный плацкартный вагон, разделённый на несколько отсеков, который прицепили к составу, идущему в столицу с грузом строевого леса. Через пару часов его зацепил старый допотопный паровозик, работающий на угле, поезд дёрнулся, и всё, ту-ту, привет, дорога, прощай, родина.

Паровозик нещадно чадил чёрным дымом, наш состав шёл по новой ветке в обход Саратовских болот. Я сидел у окна, от которого постоянно сквозило, и наблюдал окрестные пейзажи. По большому счёту смотреть было не на что, кругом болота и лес, то же самое я мог видеть и дома. Двигались мы не очень быстро и в столице должны были оказаться уже поздней ночью. Попробовал поспать, так не спится, холодно, и я перешёл в соседний отсек, где майор Ерёменко достал из своего рюкзака какой-то продолговатый пластиковый предмет, вытянул из него металлический штырь, нажал кнопку, и из коробочки послышалась музыка.

Едрить того налево, это же радиоприёмник, самый что ни есть настоящий. Вот это я понимаю, вот это цивилизация. Сколько читал про такой приборчик, а видел впервые. Интересно, сколько же он стоит, в любом случае совсем не дешёво, и даже мне понятно, что этот прибор сделан ещё до пришествия Чёрного Трёхлетия. Все наши новобранцы, за исключением Домового, который после вчерашнего разбора держался отдельно от всех, собрались в плотную кучку и слушали радио, которое ловило передачу столичной вещательной станции.

– Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте, дорогие граждане Конфедерации! – радостно затараторил далёкий от нас диктор. – С вами снова я, Жора Путёвый, и вы слушаете первое информационно-развлекательное радио «Голос Столицы». Наш девиз: «Нет формализму!» На часах десять часов утра, а значит, пришло время новостного блока. Напомню вам о нашем спонсоре, и он неизменен – Краснодарская оружейная фабрика братьев Семёновых. Купи ствол и спи спокойно! Так говорят наши оружейники, и они, вне всякого сомнения, правы. Итак, новости. Самая основная на сегодня новость – прибытие в столицу официального посольства из Содружества Горских Народов. Для тех, кто не в теме, напомню, что это те самые «индейцы», которые выжили на территории Кавказа во время Эпохи Хаоса. Уцелело их немного, слишком сильно и жестоко они резали друг друга все минувшие годы, а потому, чтобы выжить, пять лет назад им пришлось забыть все старые обиды и распри и объединиться в единый народ. – Ведущий усмехнулся и продолжил: – А кто не захотел объединяться, тот сейчас на рынках Трабзона с колодкой на шее стоит. Мы попросили начальника дипломатической службы нашего государства, советника первого ранга Бродова Илью Александровича прокомментировать это событие.

В эфире послышался приятный женский голосок, наверняка принадлежавший молодой девушке:

– Илья Александрович, здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответил девушке густой басок, и мне сразу же представился солидный чиновник в костюме и при галстук.

– Вы можете рассказать нашим радиослушателям, с чем прибыло посольство?

– Только для вас и вашей радиостанции, Мариночка. Вы всё узнаете первыми. Представители Горского Содружества желают закупить у нас многие так необходимые им товары и установить постоянную связь между нашими государствами.

– Это не союз?

– Ни в коем случае. Это обычное налаживание добрососедских взаимоотношений. Мы им – оружие, продовольствие и одежду, а они нам – продукты нефтепереработки и ценные металлы.

– А правительство не опасается, что оружие, проданное горцам, будет в дальнейшем использовано против нас?

– Будет продаваться только стрелковое вооружение, а это нам не страшно. К тому же у горцев есть с кем воевать, и они не могут тратить свои силы на конфликт с нами. С юга их поджимает Новоисламский Халифат, а нам будет выгодно поддержать их не только с экономической, но и с политической целью.

– Илья Александрович, но как же быть с рабством, которое процветает в Горском Содружестве, ведь именно вы были инициатором торгового эмбарго против горцев и именно вы выдвигали основным доводом наличие в горах рабов, в том числе и уроженцев нашей Кубанской Конфедерации.

– Смею заверить всех, кто сейчас слушает вашу передачу, что этот вопрос решён полностью. Все пленники, уроженцы нашего государства, незаконно удерживаемые в горах, будут возвращены на родину в самое ближайшее время.

Вновь вклинился голос диктора-мужчины:

– Благодарю, Марина, спасибо, Илья Александрович. Мы переходим к другим новостям. Как нам стало известно, вчера войсками Туапсинской Республики была предпринята очередная попытка штурма укрепленного посёлка Островская Щель, который является передовой базой племени каратынцев. Вождь горского племени каратынцев Евгений Старостин заявил, что туапсинцы понесли существенные потери и его воины не пропустят через Гойтхский перевал ни одного каравана со спиртным. Напомню нашим радиослушателям, что причиной вооружённого конфликта между Туапсинской Республикой и племенем каратынцев стало разграбление горцами каравана с водкой.

Я посмотрел на Шварца, и тот как-то виновато потупился. Да, как ни крути, а каратынцы в своём праве, так как изначально ставили условие, при котором не пропустят через подконтрольную им территорию «антихристовы товары», то есть водку и наркотики. Однако у нас частенько появлялось туапсинское сорокаградусное питьё, а значит, торгаши провозили его контрабандой. Потом, видать, совсем обнаглели, вот и лишились каравана.

Тем временем радиоведущий продолжил:

– И третья новость, которую мы хотим сообщить, касается беженцев. Правительство Донского Царства окончательно потеряло контроль над юго-восточными провинциями, и сейчас они находятся под полным контролем «беспределов». Эти жестокие и отмороженные кочевники творят бесчинства, уничтожают всё, до чего только могут дотянуться, а царь Иван Седьмой не в состоянии остановить вторжение. В связи с этим пограничным частям нашего государства дано разрешение пропускать беженцев с Дона на территорию Конфедерации. В течение трёх дней к нам прибыло почти четыре тысячи человек, которые временно размещены в лагерях для перемещённых лиц. Правительство Конфедерации чрезвычайно обеспокоено сложившимся положением дел на границе с Донским Царством, и на вечернем заседании Думы наш президент Симаков заявил, что мы должны протянуть руку дружбы и помощи старому союзнику.

Новостной блок был окончен, майор отключил радиоприёмник, понятно же, что бережёт заряд батареи, и мы, обсуждая услышанное, разошлись по своим местам. За окном вагона всё те же леса, болота, развалины каких-то построек, и, убаюканный равномерным перестуком железных колёс, я задремал.

Разбудили меня на обед. Пока перекусили сухпайком, пока со Стасом переговорили, прошло какое-то время, и майор начал по одному вызывать нас к себе на разговор. Дошла очередь и до меня. Вот здесь уже было что-то напоминающее знакомство с будущими солдатами.

Сев напротив майора, который рассматривал мой контракт, я ждал его вопросов, но он почему-то медлил. Наконец, спустя пару минут тягостного для меня молчания, он всё же задал свой первый вопрос:

– Как отца звали?

– Андрей, – ответил я, не понимая, почему он поинтересовался именем моего покойного родителя, тем более что в контракте я своё отчество указал.

– Отец где сейчас?

– Умер пять лет назад, они с матерью в один день слегли, в один день и отошли в мир иной. Год тогда голодный был, и чахотка многих скосила.

– Понятно, – кивнул майор. – Знавал я твоего отца когда-то, парень.

– Да ну? – не поверил я.

– Вот тебе и ну, балбес деревенский. Он с Дона бежал, а потом некоторое время у нас в батальоне служил. Однако пришлось ему скрыться, так как наш президент в то время как раз с царём Иваном дружбу наладил, и был вариант, что его могут обратно на родину вернуть. Его-то и не искал особо никто, с глаз долой – из сердца вон, может быть, поэтому и было у вас всё спокойно. Жаль, что никто из наших не знал, где он прячется, а так помогли бы тебе после его смерти. Как, вообще, тяжело жилось, когда родители умерли?

– Нет, жил неплохо, врать не буду, – пожал я плечами. – Относились ко мне как к своему, кормили справно, зря не били и не угнетали. Нормальная жизнь самого обычного поселкового парня.

– Вот что, – майор пристально посмотрел мне в глаза, – отец твой никаких бумаг, записок или карт не оставлял?

– Я не видел, вот только...

– Что «только»?

– У старосты планшетка имелась офицерская, что от родителя осталась, а больше ничего особенного и не было.

– Значит, у старосты планшетка есть?

– Да, он её в сундуке у себя в доме хранит.

– Ну ладно, то всё потом. – Майор отвёл взгляд. – Давай тобой займёмся. Стрелять умеешь?

– Нет, откуда, если у нас на весь посёлок три охотничьих ружья и каждый патрон на счету.

– По лесу как ходишь?

– Получше, чем горожане, конечно, но всё же не охотник.

Майор достал из рюкзака папку, что-то пометил в ней и отправил меня к общей группе. Я уже выходил из отсека, когда он меня окликнул:

– Сашка, стой.

– Да? – Я остановился.

– В учебке будет трудно, сразу говорю, так что не сломайся, не опозорь память отца своего. У нас протекций не оказывают, но если что, после КМБ я тебя к себе в роту заберу, подумай, ведь можешь и отказаться, пока не поздно.

– Думать не буду, пойду к вам, – ответил я Ерёменко и направился в свой отсек.

Столицу нашу я не увидел. Как у Блока в стихах: «Был мрак, где не видать ни зги». Вот и у нас получилось так же: какое-то тёмное здание вдали, несколько тусклых фонарей на перроне да усиленный воинский патруль с двумя злыми псами-волкодавами, как мне пояснил всезнающий Стас, патрульными были бойцы Второго гвардейского батальона. В общем, постояли мы на месте полчаса всего. Нашему составу поменяли паровоз, и мы снова пустились в путь.

Скорость поезда заметно увеличилась, и, миновав Кореновск и Тихорецк, уже к вечеру следующего дня наша группа выгрузилась в станице Павловской.

Нас ждали и сразу же от железнодорожного вокзала, где нашу группу погрузили в кузов небольшого, крытого брезентом старенького автомобиля, отправили в часть. Механик Шварц при этом утверждал, что мы едем в самой настоящей «газели». Хм, спорить с ним никто не стал, всё равно никто из нас не разбирался, что это за марка машины, но всю дорогу он не смолкал и без усталости вёл рассказ про это техническое чудо.

Ехали недолго, минут пятнадцать, и остановились уже в расположении батальона, под который было отведено три окраинных станичных улицы. В домах, разумеется, жили офицеры и семейные солдаты, а все остальные, которых было большинство, ютились в многочисленных палатках, расположенных рядами вокруг домов. Напоминало это всё некий цыганский табор с книжной картинкой, но в то же время, несмотря на суету и беготню, везде царил какой-то внутренний порядок. Впрочем, ночью мы увидели не слишком много, основные впечатления ожидали нас следующим днём, когда после ночёвки в одной из палаток нашу небольшую группку выгнали на общее построение.

На плацу, большом поле, покрытом красным кирпичом, стоял весь Четвёртый гвардейский батальон в полном составе, и никогда до сего момента я не видел такого скопища людей. Живое человеческое море окружало нас, от этого мне было немного не по себе, и, на мой взгляд, было в этом батальоне не тысяча солдат, а все полторы. Как прошёл подъём флага, первый в моей жизни, я не запомнил, а вот то, что происходило после него, наоборот, врезалось в память на всю оставшуюся жизнь.

Подразделения с плаца разошлись, и остались на нём только мы да ещё две группы таких же растерянных людей в гражданской одежде. Хотя был ещё сержант Ахмедов, который сказал, что должен передать нас офицеру-наставнику, который придёт с минуты на минуту. Простояли мы минут десять, и, наконец, появился он, офицер-наставник, человек-гора, настоящий богатырь – за два метра ростом. Уж на что Ерёменко здоровяк, но этот был самым настоящим переростком, по сравнению с которым все остальные люди казались недомерками и недокормышами.

– Ахмедов! – приблизившись к строю, проревел человек-гора. – Ты что тут делаешь, кабан грёбанный?

– Товарищ капитан, – вытянулся в струнку сержант, – рекрутов из последнего набора для вас стерегу.

– А командир твой где?

– В роте, товарищ капитан.

– Свободен, – рявкнул капитан, и сержант Ахмедов испарился в считанные секунды.

Капитан прошёлся вдоль нашего хилого строя и как-то спокойно и без крика, отчего мне стало не по себе, произнёс:

– Мать моя женщина, каких ублюдков понабировали. Мля, год от года народ всё хуже и хуже. Эй, ты, с прищуром, – он ткнул пальцем в Костю Свиридова, – ты как сюда попал, доходяга?

– Контракт подписал, – ответил тот.

– Блин, кто тот грёбанный папенгут, который тебя сюда привёз?

– Майор Ерёменко.

Офицер-наставник пробурчал что-то невразумительное, остановился и представился:

– Меня зовут капитан Максимов, и я, без всякого преувеличения, буду вашим самым жутким кошмаром на всё время прохождения учебного процесса. Вас, – он обвёл строй пальцем руки, – здесь тридцать человек, через месяц останется десять. Что будет с остальными двадцатью, знаете?

– Нет, – подал голос Стас.

– Они сдохнут, и их зароят на ближайшем кладбище. А сейчас нале-во! – Мы неловко развернулись в нужном направлении. – Бего-ом, марш!

Мы побежали, но капитан направления не указал, и все тридцать человек, в пальто, полушубках или простых шерстяных свитерах, полчаса рысили по кругу. Капитан всё это время только злорадно посматривал на нас и время от времени издавал подбадривающие крики:

– Быстрее, волоёбы! Ты, хилый, прибавь газку, мурлокотан! Не отставать! Ещё быстрее! Ты чего, морда, на курорт приехал? Эй, чернявый, догоняй собратьев по разуму!

Наконец, когда первый из нас, незнакомый мне паренёк самого тщедушного телосложения, рухнул на кирпичную кладку плаца, Максимов остановил наш бег и отправил на завтрак.

Кормили здесь хорошо, слов нет, не хуже, чем у нас в посёлке: варёные яйца, масло, белый хлеб, перловая каша и сладкий чай. Правда, времени на весь приём пищи выделили только десять минут, а потом в столовую, большую, просторную палатку с длинными рядами столов, влетели подручные Максимова, три сержанта с резиновыми дубинками в руках, и нам пришлось в срочном порядке выметаться наружу.

От столовки строем направились на склад, где нам выдали по два комплекта рабочей униформы серого цвета, свитера из собачьей шерсти, шапки, бушлаты, спальные мешки и бывшую в употреблении обувь – стоптанные армейские берцы, да ещё кое-что по мелочи, в основном для гигиены. Потом последовал быстрый медосмотр в санчасти, дезинфекция, стрижка, помывка в бане и заселение в палатку, которая должна была стать нашим новым домом на ближайший месяц. За такими занятиями прошла половина первого дня нашей службы, и всё это время нас сопровождали только сержанты, а сам Максимов появился после обеда, когда мы, уже переодетые в новую форму, вновь выстроились на плацу.

– Нале-во! – вновь скомандовал капитан. – Бего-ом, марш!

Снова бег, опять крики Максимова и ожидаемое падение хилого мальчишки. Мы остановились, а капитан в ярости прокричал:

– Какого хрена вы встали? Ваш товарищ ранен, живо взяли его на плечи! Ты и ты, хватайте парня! Бегом, марш! Не останавливаться! Передать раненого другой паре!

Через пятнадцать минут рухнул второй, за ним третий. Кто покрепче, хватали павших на спины и волокли их по кругу, и такое мучение продолжалось до тех пор, пока не пал последний из нас.

– Задохлики! – Капитан устало, как будто это он бегал до потери сознания, а не мы, махнул рукой и ушёл.

Нами вновь занялись сержанты, и начался сам учебный процесс, как его понимало большинство из нас. Всю нашу группу новобранцев завели в палатку, отведённую для учебных целей, разбили по десять человек на сержанта, и пошло изучение старого и надёжного, как молоток, автомата АКМ. Надо отдать должное сержантам: несмотря на свою жёсткость, объясняли они всё очень доходчиво и терпеливо, так что через три часа я уже назубок знал устройство автомата и первым самостоятельно произвёл его неполную разборку и сборку.

В учебном классе провозились до вечера, а дальше можно было и не гадать, что должно было произойти. Да-да, после ужина появился капитан и началась беготня по плацу, но только теперь в лагере было не безлюдно, как утром и в полдень. Казалось, что весь батальон собрался вокруг на вечернее представление ржаку словить. Мы выдыхались и падали на кирпичи, а вокруг радостно шумели и смеялись сотни людей. Одним словом, полное позорище. Ладно, я не пью и не курю, здоровья хватает, мог бы бегать долго, но по условиям пробега надо было и «раненых» на себе тянуть, а это уже совсем другое дело.

Усталые и изнурённые, мы вошли в свою палатку только часам к десяти вечера, но на этом первый день нашего пребывания в батальоне не окончился. Начались внутренние разборки. Домовой и ещё три здоровых мужика, с которыми у него оказалось много общего – они тоже были ворами, – прижали в угол тщедушного паренька, который не выдерживал бега, и

начали его ногами избивать. Непорядок. Против них вышли трое: Стас, я и ещё один крепкий паренёк, имя которого мы пока не успели узнать. В итоге недолгого разговора завязалась драка, и Домовой с корешами огребли по полной программе, хотя и нам досталось крепко.

На шум влетели сержанты с дубинками в руках, да так вовремя, как если бы рядом находились и ждали, чем дело закончится. Воров и хилого паренька утянули в санчасть, а нам вlepили по наряду и отправили на плац наводить красоту и кирпичики, за день из основы выпавшие, резиновыми молоточками обратно в землю вбивать. Вроде бы несправедливость налицо, но, как ни странно, мы не унывали, и обиды на сержантов не было. Под светом нескольких электроламп, получавших энергию от дизель-генераторов, шумевших где-то вдалеке, в одном из дворов, мы работали и переговаривались.

– А хорошо мы им врезали, да? – спрашивал паренёк.

– Точно, – подтвердил я, – хорошо. Кстати, тебя как звать-то?

– Иваном, – откликнулся он, – а фамилия моя – Тарасов.

– Будем знакомы, я Саня Мечников, а это, – я указал на друга с разбитыми губами, – Станислав Иноков.

До палатки и своих спальных мешков мы добрались часам к трём ночи, и можно было сказать, что служба наша началась нормально и примерно так, как я себе это и представлял.

Глава 4

Кубанская Конфедерация. Станица Кисляковская
22.12.2056

Слышь, прапор, – я постучал в дверь склада, – открывай.

– Тебе чего, боец? – Дверь приоткрылась не полностью, и в щель выглянуло лицо начальника вещевого склада, полного смуглолицего прапорщика лет около пятидесяти.

– Ты чего нам дал, змеюка? – Старенький латаный рюкзак плюхнулся на крыльцо.

– А что не так?

– Почему всё снаряжение и униформа второго срока?

– Да ты, я смотрю, совсем берега потерял, воин. – Прапор распахнул дверь настежь, увидел рядом со мной ещё двух бойцов, а за нашими спинами Ахмедова и переключился на него: – Что-то хотел, Исмаил?

Сержант указал на меня пальцем:

– Ашот, это наши бойцы. Ерёменко на тебя обидится за такое отношение к своим солдатам.

– Да откуда я знал, что они ваши? – всплеснул руками вещевик. – Пришли вместе со всеми, ни слова, ни полслова, всё получили, расписались и ушли. Знал бы, что это солдаты Ерёменко, только нулевые вещи им выдал бы.

Сержант поморщился:

– Давай без этого, Ашот. Ладно, парни, они не в курсе, что к чему, а ты разрядку получал и должен был знать, что три человека, Тарасов, Иноков и Мечников, идут по отдельному списку снабжения вещевым довольствием.

– Ладно, поймал ты меня, Исмаил. – Прапорщик расплылся в благостной улыбке, посторонился от входа и кивнул внутрь склада. – Проходите.

Мы прошли на склад и в этот заход получили то, что нам было положено. В первую очередь – прочные и вместительные туристические рюкзаки, пошитые в нашей швейной мастерской, а уже в них укладывалось всё остальное: берцы, камуфляжи, горка, плащ-палатка, свитер, рабочий комбез, куртка, майки, шуршун, тёплое бельё, противогаз, ОЗК и ещё десятки необходимых в армейской жизни вещей.

Нагруженные добром, мы покинули опечаленного прапорщика Ашота и направились к бронированному «Уралу», который должен был отвезти нас в расположение нашей роты. Исмаил-ага по дороге куда-то пропал, наверняка к землякам своим рванул, а мы, загрузившись в кузов машины, кинули рюкзаки и попадали на них сверху.

Наш курс молодого бойца был окончен вчера, и мы стали полноправными гвардейцами, но эти дни я буду ещё долго вспоминать с содроганием. Капитан Максимов гонял весь наш курс так, что за малым из ушей дым не шёл, но результат, как говорится, был налицо, кое-что мы уже умели. Конечно, профессионалами не стали, но оружие освоили и всё, что нам было нужно знать для нормальной службы в гвардии, знали. Кстати, слова Максимова оказались пророческими одно к одному: из тридцати человек после его учёбки на выходе осталось десять, хотя на кладбище отправились только трое – их расстреляли за воровство, а остальные отсеялись во вспомогательные подразделения. Шварца, например, забрали в автороту, Костю Свиридова к радистам, а щуплый паренёк, которого мы прикрыли от воров, так и остался в санчасти, поскольку оказался не понаслышке знаком с медициной.

Самое главное, удалось за время учёбы понять, куда же мы всё-таки попали, и разобраться в местной иерархии. По всем официальным бумагам получалось, что в батальоне –

тысяча двести бойцов, которые тянут службу в боевых ротах различного назначения и получают из казны положенное гвардейское жалованье. Самых рот было десять: две мотострелковых, шесть разведки и две спецназа. Все остальные части, которых оказалось не так уж и немало, шли как вспомогательные, и в них числилась ещё почти тысяча солдат и офицеров, но получали они стандартное жалованье территориальных войск. Ко всему этому количеству имелись ещё и батальонные иждивенцы: жёны, дети, родня военнослужащих и пенсионеры, так и оставшиеся после увольнения при батальоне, а это ещё тысяча человек.

Наверху командной цепочки стоял комбат, которого избирали открытым офицерским голосованием каждые пять лет, а уже он, с одобрения всё тех же офицеров, назначал всех остальных командиров. За ним шли начальник штаба, заместитель по боевой подготовке, заместитель по тылу и затем – командиры рот. В данный момент комбатом был полковник Игнатъев, но из слухов, которые почерпнули при общении с бойцами, мы узнали, что следующим командиром Четвёртого гвардейского, скорее всего, станет майор Ерёмченко-младший, сын прежнего комбата. Кстати, именно в его роту спецназа мы и ехали служить.

Как оказалось, не весь батальон находился в Павловской, а только тылы и мотострелковые роты, – разведка и спецназ тянули службу в безлюдных пустошах по границе с Донским Царством. Две роты разведчиков сидели в бывшей Крыловской, две – в Куцевской и ещё две – в Ленинградской. Наша рота спецназа находилась между ними, на брошенных развалинах станции Кисляковской, и ещё одна ушла на «боевой выход» в сторону Дона отслеживать миграции «беспределов».

– Отмучались, – выдохнул Стас, развалившись на своём рюкзаке и закинув руки за голову. – Думал, что сдохну от таких напрягов, но нет, вытянул и стал себя за это уважать.

– Да-а-а... – протянул Ванька Тарасов, – всё же зверь этот Максимов, суший монстр. Не дай бог к такому в подчинение попасть.

– Нормально, – включился в разговор я. – По-другому ведь никак. Сами видели, что за народ с нами вместе бегал. Ладно, если человек нормальный, пусть по физическим кондициям не тянет, но старается, а если оружие в руки такие, как Домовой с корешами, получают, то пиши пропало, самые натуральные «беспределы», только обученные. Да чего говорить, их даже властям сдавать не стали после поимки и суда, вывели в чисто поле и расстреляли, как собак бешеных.

– Туда им и дорога, – поддержал меня Стас.

– Эх, заживём теперь, – мечтательно произнёс Тарасов. – Никаких тебе тренировок и беготни, а чисто ровная служба, сиди на блокпосте, развалины охраняй да в лужи поплёвывай.

Мы с Иноковым переглянулись и засмеялись.

– Чего вы ржёте? – Иван приподнялся с рюкзака.

Ему ответил Стас:

– Всё в норме, Ванёк, только ты не прав: вот сейчас для нас основная учёба и начнётся.

– Не может быть, – не поверил он. – Мы же всё освоили!

– Мы и сотой части не знаем из того, что знает и умеет рядовой боец, прослуживший здесь несколько лет. Так что всё впереди. Будем теперь постигать на практике то, к чему нас Максимов готовил теоретически.

Тарасов пожал плечами:

– Мне в принципе без разницы, чем заниматься, лишь бы только деньги платили без обману.

– Здесь с этим строго, каждого первого числа – две золотые монеты.

– Вот именно, один месяц отслужил, и можно корову купить.

Про мечту Тарасова, простого парня из многодетной семьи, мы с Иноковым знали. Иван хотел отслужить пять лет, скопить денег и вернуться домой, где на эти средства приобрести

стадо коров и стать местным олигархом. Неплохая мечта, вполне достойная, вот только для её осуществления необходимо было выжить, а на носу была война.

В батальонном лагере имелись стационарные громкоговорители, и в краткие минуты передышки весь наш курс скапливался поблизости послушать новости, которые были не очень хорошими. Царь Иван Седьмой под напором «беспределов» терял один населённый пункт за другим, армия его разбегалась, а в самом Ростове вспыхнул голодный бунт и к власти пришёл непонятный Демократический Фронт, желающий присоединиться к нашей Конфедерации. Президент Симаков, судя по тому, что твёрдого «нет» от него пока не прозвучало, всё ещё размышлял, ввязываться ли в эту войну. Однако столичные части быстрого реагирования уже накапливались в районе Тихорецка, а к нашему комбату недавно прибыл генерал Крапивин, который будет командовать весенним наступлением на Дон, конечно, если будет на то приказ свыше.

Оно-то понятно, что и без нас на самом верху решат, как поступить, но лично я склонялся к тому, что Симаков всё же отдаст приказ на частичную оккупацию Донского Царства. В этом случае он серьёзно расширял границы Конфедерации, а также получал дополнительные ресурсы и людей, которых можно было расселить в наших внутренних областях. Есть препятствие в лице «беспределов», это ясно, но наши войска раскатают их в блин, уж в этом-то можно было не сомневаться. Был ещё недобитый донской царь Иван, закрепившийся в своём индустриальном центре, городе Шахты, но сил у него немного, и спорить с Симаковым он не станет. Впрочем, это всего лишь только мысли и предположения рядового Сашки Мечникова, а уж как там сложится, можно было только гадать.

Наконец появился Исмаил-ага и сел в кабину с водителем. Бронированный «Урал» тронулся с места и по разбитой дороге, переваливаясь на ухабах, повёз нас в Кисляковскую. Три часа пути – и мы были на месте. Лагерь роты представлял собой восемь вместительных палаток, окружённых высокой земляной насыпью, глубоким рвом и линией окопов с дзотами из бетонных блоков. Нас сразу же раскидали по группам, заселили в палатки и поставили на довольствие. Жаль, наша уже сдружившаяся тройка вместе не осталась, но в роте были одной и небольшой, так что виделись мы часто. Да и в третьей группе, куда меня поставили на должность разведчика, ребята подобралась неплохие, и в их дружный коллектив я вошёл достаточно быстро.

В учебке мне рассказали о ротах спецназа ГРУ до Чёрного Трехлетия, которые, как правило, состояли из трёх групп по пятнадцать бойцов в каждой, плюс командир роты, три командира групп, три «замка», замполит и старшина, итого получается пятьдесят четыре человека. Наша рота была по штатам полностью скопирована с них, вот только групп было не три, а шесть, и в каждой роте имелся вспомогательный взвод, прикомандированный из батальона. Получалось сдвоенное подразделение, которое имело неплохую огневую мощь и по нынешним временам было весьма грозной силой, с которой просто необходимо было считаться.

Следующий день был днём начала моей службы, и ожидал я от него очень многого. Однако занимались мы совсем не тем, чем, как я думал, должны заниматься солдаты. Наша рота отвечала за блокпост на трассе Ростов-Баку и охрану чудом уцелевшего древнего моста через реку Ея – одна группа уже при деле. Ещё одна группа постоянно находилась в нашем лагере неподалеку от трассы, несла караульную службу, а остальные четыре группы ежедневно отправлялись на заработки.

Как и где можно заработать денег в безлюдной местности, которая на много километров окружена бывшими сельхозугодьями, покрытыми кустарником и лесом? Вопрос, конечно, интересный, но ответ на него оказался очень прост.

Четыре группы бойцов гвардейского спецназа, вооружённые ломом, пилой, молотом, кувалдами и металлоискателями, почти каждый день отправлялись на развалины станицы Кисляковской и планомерно, строение за строением разбирали завалы. Мы добывали металл и,

надо сказать, делали это настолько хорошо, что каждый вечер выдавали на-гора не менее десяти тонн этого полезного и так необходимого в промышленности сырья, которое отгружали в приходивший за ним грузовик. Впрочем, интересовал нас не только металлолом, но и то, что могло бы пригодиться в батальоне. Книжки, статуэтки, игрушки из пластика, оконное стекло, оружие, если таковое попадалось, и всё, что стоило хоть каких-то денег или могло пригодиться в нашем нелёгком быту.

Поначалу я подумал, что это личная инициатива майора Ерёменко, решившего нажиться на солдатском труде, но, расспросив парней из своей группы, узнал, что это самая обычная практика, которая уже не первый год помогает батальону как-то выживать и содержать вспомогательные части. Пользуясь тем, что на границах спокойно, не только мы, но и весь батальон с наступлением зимнего времени занимался только одним – мародёркой на развалинах бывшего человеческого благополучия. Конечно, правительство свои обязательства выполняло, по крайней мере пока, – выделяло на батальон денежные средства и снабжение без задержек, но это касалось только бойцов первой линии, а вот остальные в счёт не шли.

Однако и без вспомогательных частей никак, ведь должен кто-то технику ремонтировать, медицину на должном уровне поддерживать, шить одежду и снаряжение, ремонтировать изношенную обувь да и просто готовить три раза в день еду для бойцов. Вот и пришлось отцам-командирам выбирать, что лучше – разогнать всех нестроевых к такой-то маме или снабжать их в ущерб боевой подготовке. Был выбран второй вариант, и вот уже полтора десятка лет благодаря такой политике батальон постоянно расширялся и становился год от года только крепче.

Говорят, была в штабе одно время идея создать дополнительную команду из гражданских, которая должна была заниматься только мародёрством, и даже людей в неё набирать стали, но не сложилось, так как из столицы прилетел грозный окрик, непосредственно от самого президента, и на этом проект остановился. Жаль, конечно, а то бы работяги гамбулили, а мы их охраняли, но, видимо, не судьба, и оттого приходится нам самим вкалывать ради собственного материально-технического благополучия.

Впрочем, совсем уж без боевой подготовки меня не оставили, ведь не каждый день мы ходили на работы, и, когда наша группа оставалась в лагере или выходила на блокпост, на мне отрывались те, кто хоть капельку больше, чем я, знал и умел в военном деле, то есть все. Уматывался я в такие деньки сильно, но не жалел, так как всё, чему меня учили, в дальнейшем не раз спасало мою жизнь и здоровье. Спасибо вам, мои учителя.

Как правило, начиналось всё с рукопашного и ножевого боя, затем шла стрелковая подготовка, тактика и минно-подрывное дело, а потом уж кто и во что горазд. Так я становился профессионалом, и для всей полноты ощущений мне не хватало только практики. Хотя, наверное, это и к лучшему, что я не сразу попал в огневое пекло. Вряд ли бы вытянул и уцелел, и, скорее всего, прострелили бы мне мою непутёвую башку в первом же бою. «Беспредель», что бы про них ни говорили, вояки неплохие и в бою стойкие.

Прошло две недели, рота благополучно отметила наступление нового 2057 года, и совершенно неожиданно меня вызвал к себе Ерёменко. Я вошёл в штабную палатку, повернулся к майору, сидящему в одиночестве за деревянным столом, и, браво вскинув ладонь правой руки к шерстяной шапочке камуфляжного цвета, доложил:

– Товарищ майор, рядовой Мечников по вашему приказанию прибыл!

Ерёменко посмотрел на меня, хмыкнул и махнул рукой:

– Спокойно, орёл, когда мы одни, можно и без этой уставщины обойтись. Садись. – Он указал на стул напротив себя и, когда я сел, спросил: – Как служба?

– Не совсем то, что я ожидал, но в целом получше, чем в деревне коровам хвосты крутить. Мне здесь нравится.

– Вот насчёт деревни я с тобой и хочу поговорить. Не хочешь родину навестить?

– Нет, – я помотал головой, – никакого интереса.

– А придётся, Сашка. Надо у вашего старосты изъять тот планшет, который от отца твоего остался.

– Как?

– Да как угодно: купи, укради, отбери, в конце концов.

– Один не справлюсь. Надо, чтоб рядом кто-то при погонах был.

– Вас пятеро будет: ты, три сержанта и Исмаил-ага. Официально вы направляетесь в командировку искать новых поставщиков продовольствия для нашего батальона, в этом нет ничего необычного, и никого не заинтересует. Остановитесь в гостинице.

– Оружие?

– Только личное – пистолет, кинжал, нож, то, что разрешено законами Конфедерации. Задумки есть, как это дело уладить?

– Староста на деньги падкий, монет за десять продаст планшетку. Да и не надо в таком случае пятерых, одного Исмаила в полной форме хватит.

– Нет, всё уже решено, и документы оформляются. В группе пятеро, выезжаете через три дня.

– Товарищ майор, а зачем вам эта планшетка?

Майор достал позолоченный портсигар, вынул из него длинную турецкую папиросу и закурил. Пару раз пыхнул ароматным дымом и ответил:

– Это всё, как ты уже, наверное, понял, из-за отца твоего. Он последний, кто из всей 22-й бригады спецназа выжил, и он знал, где находится их секретный склад боепитания. Там есть много такого, что было бы мне интересно, но сам понимаешь, если об этой теме узнает кто-то со стороны, то и он захочет долю. Оттого и тайна, невеликая, но уж какая есть.

– А зачем им нужен был секретный склад?

– Кто их знает? Твой отец молчал, а я думаю, что хотели переворот замутить. Иван Седьмой в то время на троне ещё непрочно сидел, а за офицерами, что с твоим отцом служили, человек триста профессиональных бойцов имелось, многое могли сделать, но кто-то их сдал, а может, и царёк их решил превентивно к стенке поставить. Сейчас правду уже не узнаешь, но факт остаётся фактом: когда оружейные склады в посёлке Степном были вскрыты, они оказались пусты, а у капитана Мечникова была карта, которую он никому не показывал. Из этого делаю вывод, что ему было что скрывать, и, скорее всего, это местонахождение склада, в котором полным-полно стволов, которых у нас сейчас днём с огнём не сыщешь.

– Разрешите вопрос, товарищ майор? – осмелился я спросить не по теме.

– Валяй.

– Слух ходит, что через пару лет вы станете комбатом, это правда?

– Нет, – Ерёменко улыбнулся, – если бы выбор делали солдаты, именно я стал бы командиром всего нашего подразделения, но голос имеют только офицеры, так что мне не светит. Хотя, – он неопределённо покрутил в воздухе рукой с зажатой меж пальцами папиросой, – если Симаков даст приказ идти на Ростов, то нас развернут в бригаду, и тогда очень может быть, что я стану командиром батальона спецназначения. Вот для этого мне и требуется схрон твоего отца, и именно поэтому посылаю за картами тебя и сержантов, а не кого-то из офицеров. У нас в батальоне офицерство уже потомственное, а потому и думают некоторые «товарищи» о себе чрезвычайно много, чёрт знает, какой фортель выкинут. Ещё вопросы есть?

– Никак нет, – вскочил я со стула.

– Хорошо, если у вас всё выгорит, я в долгу не останусь.

– Не за награды и чины служим, – повторил я где-то давным-давно вычитанную фразу.

Майор рассмеялся и кивнул:

– Иди уж, Грамотей, и избавляйся от своего надуманного книжного идеализма. В жизни важно всё: и чины, и звания, и деньги, и влияние, и опыт. Карабкайся только вверх, Сашка, а

иначе сгинёшь в какой-нибудь шальной передрыге за чьи-то красивые слова про равенство и братство, да так, что и «мяу» сказать не успеешь. Иди и мои слова запомни.

Чётко развернувшись на месте, я покинул штабную палатку и отправился на свой пост. В этот день именно наша группа несла караульную службу, и уже на посту, в бетонном закутке, прислонившись к старенькому ПКМу, я смотрел на заснеженное поле перед лагерем и в какой уже раз прокручивал в голове слова майора про избавление от идеализма. В общем-то, как ни крути ситуацию, а Ерёменко прав. Что я могу получить здесь, в этом месте за пять лет, которые, согласно контракту, обязан отслужить? Правильно – умения, деньги и опыт. Но что будет потом, когда пройдет пять лет? Новый контракт? Не знаю, хотелось бы свободы.

Озадачил меня командир, нечего сказать, но, с другой стороны, ломать голову над этим не стоит, надо всё делать пошагово и держаться за майора, а если он наверх взлетит, то и меня подхватить по пути сможет. Парень я простой, деревенский, но кое-что уже выхватил из ротной жизни, в которой есть сержанты, которым подчиняются офицеры, и думается мне, что Ерёменко уже сейчас подбирает себе ближний круг из верных людей, так что при хорошем раскладе и я в него смогу попасть.

Глава 5

*Кубанская Конфедерация. Станица Кисляковская
25.01.2057*

Про поездку на родину рассказывать особо нечего, всё прошло очень хорошо и, можно сказать, по самому наилучшему варианту. В этой командировке было только два события, которые отложились в памяти. Первое – это посещение посёлка и разговор со старостой Никитой, а второе – прогулка по нашей столице, славному городу Краснодару. Начну, пожалуй, со старосты.

По прибытии в Горячий Ключ мы остановились в гостинице, скинули в номерах вещи и, не откладывая исполнение задачи в долгий ящик, направились напрямик в посёлок Лесной. Задумка была проста: выкупить у Никиты Демидова планшет, а если вдруг по какой-либо причине он откажется его продавать, то устроить в деревне небольшой погром с выбиванием зубов, криками и стрельбой в воздух. В качестве группы поддержки со мной выдвигались вооружённые пистолетами различных систем четыре лучших ротных сержанта, и, чувствуя их моральную и силовую поддержку, в успехе дела я был уверен. У меня, кстати, оружия не было, типа – у каждого только свой личный ствол, ношение которого разрешено законами Конфедерации.

На арендованном побитом грузовичке по некогда асфальтированной дороге, превратившейся в широкую каменно-щебнистую тропу, с огромным трудом мы переправились через Малый Дыш, добрались до посёлка и остановились перед воротами. Водила грузовичка нажал на клаксон, и из-за забора появилась белобрысая голова одного из поселковых ребятишек.

– Гошка, – окликнул я его, спрыгивая с борта грузовичка, – зови старосту, живо, гости к нему.

Голова мальчишки моментально исчезла из вида, и буквально через пару минут ворота открылись, а из них появился сам староста, что интересно – в праздничной одежде. Следом за ним спешила его жинка, дородная румяная баба в цветастом платке и белом полушубке. Староста излучал непомерную радость, а в руках его жены, тётки Глафиры – опа-нь-ки – был расписной поднос с хлебом и солью. Ожидал я всякого, но не такой праздничной встречи определённо.

– Здравствуй, гости дорогие! – почти прокричал Демидов и кинулся жать мне руку. – Здравствуй, Сашенька, воспитанник мой.

– Привет, дядька Никита. – Я несколько растерялся.

– Отведайте хлеб-соль, – вторила своему мужу Глафира.

Чёрт его знает, что в такой ситуации делать, вроде не по чину мне такая встреча, но ситуацию разрулил Исмаил-ага, который молча забрал у старости хлеба и невозмутимо закинул его к себе в рюкзак. Хамство, конечно, но показательное. Вроде как и не приняли гости угощение, но и отказываться не стали. Понимай, как знаешь, Никита, на то ты и староста поселковый.

Демидов, видя такое наше поведение, смолчал и пригласил всех к себе в гости. Мы вошли в посёлок, и, проходя по улице, я обратил внимание на то обстоятельство, что людей-то вокруг нас нет, хотя обычно, по зиме, все на месте.

– Дядька Никита, где все?

– Попрыгались на всякий случай, – пожал он плечами, – ведь не каждый день военные приезжают, мало ли что. Вы не с реквизицией? – Задав этот вопрос, он пристально посмотрел сначала на меня, а затем на Исмаила, в котором безошибочно угадал старшего.

– От обстоятельств зависит, – усмехнулся я, решив ещё некоторое время подержать старосту в неведении относительно нашего визита.

И в этот же самый момент позади меня раздался негромкий голос Исмаила, обратившегося к сержантам:

– Вариант три.

Староста посмотрел на него непонимающе, а я – наоборот. Третий вариант обговаривался заранее: быть настороже и не расслабляться, несмотря ни на какое радушие местных хозяев.

Мы вошли в просторный и богатый дом старосты, и здесь нас ожидал накрытый стол. Эх, чего же там только не было, и праздник живота можно было устроить в полной мере, хотя по сервировке было ясно, что нас не ждали и метали на стол всё, что только было. Однако подвал у Никиты богатый, и даже такое поспешное угощение смутило бы многих городских жителей, которые, в подавляющем большинстве, до сих пор по карточкам отоваривались. На столе имелись окорока копчёные, сало, каши, салаты, маринады, грибочки, огурчики малосольные, такие же помидорчики с чесночком внутри, колбаска кровяная домашняя, а в центре, как два короля на шахматной доске, возвышаясь надо всем этим продовольственным обилием, стояли два десятилитровых бутыля – один с самогонном, второй с вином. Красотища!

Никита пригласил всех за стол, мы расселись, но к еде не прикасались. Сержанты сидят напряжённые, не расслабляются, а я жду удобного момента начать деловой разговор. Староста самолично разлил каждому из нас в гранёные стаканы своей гарной и прозрачной, как слеза, самогонки, было взялся произнести тост, но я его остановил:

– Погодь, дядька Никита, давай сначала о деле поговорим. – Тот поставил свой стакан обратно на стол, а я не стал ходить вокруг да около и сразу перешёл к сути: – Я за документами приехал, что от бати моего у тебя остались.

Староста, затаивший дыхание, облегчённо выдохнул и произнёс:

– Ох, и напугал же ты меня, Сашко. Я уж думал, что реквизиция государственная приехала за налогом внеочередным и безвозмездным, а тут делов-то. Хух! – Он единым махом влил в себя стакан самогонки, закусил огурчиком, вынул из кармана полушубка потрепанный блокнотик, куда заносил все долги наших поселян, открыл на нужной ему страничке и провозгласил: – Ваша семья оставалась должна мне три золотых, и в счёт уплаты община изъяла ваше имущество: одежду, книги, утварь и офицерский планшет с набором армейских карт Ростовской области. Согласно закону, ты перед общиной чист, отработал все затраты, которые нёс поселок во время твоего в нём пребывания, и если ты желаешь выкупить имущество своей семьи, то с процентами, должен мне, – он беззвучно пошевелил губами и произвёл подсчёт, – восемь золотых.

– Мне только планшет нужен.

– Нет, Сашко, ты закон знаешь, или выкупаешь всё, или ничего.

– Ладно, беру. – Я аккуратно выложил перед ним восемь новеньких жёлтых кружков с выбитым на них гербом Кубанской Конфедерации, крепостной стеной, бунчуками, двуглавым орлом и несколькими флагами, символизирующими наши полунезависимые республики.

Глаза старосты, не часто видевшего наличку, загорелись алчным блеском, монеты моментально исчезли со стола, а у меня на руках уже через минуту оказался планшет моего отца. Что в нём находится, смотреть я не стал, а сразу же передал его на хранение Исмаилу. Дело наше было сделано, и мы навалились на угощение. Особо расслаиваться не стали, так, хряпнули по полста грамм самогонки, чисто ради приличия, плотно поели да засобирались. Демидов нас не держал и был только рад нашему скорому отъезду, но напоследок, когда он провожал нас к машине, я с ним всё же переговорил.

– Дядька Никита, а где сыновья твои?

– Нет их, на охоте они, – сразу же выпалил староста.

– А дочка?

– Тоже нет, замуж её выдал, в станицу Пятигорскую, что за Горячим Ключом сразу. А ты зачем спрашиваешь?

– Накостылять им всем по шее хотел.

– Ты, это... – замылся Демидов, – зла на нас не держи, Саня. Я ведь староста, за всех людей поселковых думать должен, а если все разбегутся, то кто останется? Вон, ты приехал мимоходом, а молодёжь уже через щели в заборах высматривает, что и как, на форму вашу и оружие пялится. По весне, как пить дать, человека три-четыре до города побежит.

– Ладно, староста, – хлопнул я его по плечу, – ты тоже извиняй, если что не так.

– Вот и хорошо. – Никита грамотно изобразил на лице умиление и чуть скупую мужскую слезу не пустил. – Что с остальными твоими вещами делать, Саня?

– Раздай людям, там всё равно ничего ценного нет, а у тебя в амбаре вещи только сгниют зазря. – Я махнул рукой и задал ему иной вопрос: – Слышь, дядька, а чего это ты реквизиции ждёшь, ведь не было уже давно ничего подобного?

– Реквизиция и дополнительный продовольственный налог вводится всегда, когда у нас война, ты это знаешь, Грамотей, так по закону. Последний раз такое было, когда пиратов в Приморо-Ахтарске уничтожали, пять лет назад. Да ты и сам помнишь, как тогда нам всем голодно было, ведь и родители твои тогда померли. Потом жить стали лучше, но закон этот никто не отменял, и несколько дней назад меня из Горячего Ключа известили, что вскоре война и чтоб, значит, был готов, на днях солдаты с чиновником придут. А потому, вы только через Малый Дыш переправились, наши охотники прибежали, говорят, солдаты на машине едут, а с ними ты. Вот народ наш и перепугался, мол, Саня все наши тайники знает, военным всё выдаст, и помчался добро своё по другим тайникам перепрыгивать да скотину дальше в лес угонять.

– Значит, говоришь, война вскоре?

– Мне так чиновник городской сказал, а он зазря болтать не будет.

Понятно, значит, всё же война, как я и думал. До войск ещё ничего не дошло, только намёки, а в тылу уже подготовка полным ходом пошла. Шпион царя Ивана или «беспределов», если бы таковые имелись где-то рядом, выводы сделал бы сразу, но таких нигде не наблюдается, а нас проблемы поселковых граждан никаким боком не касаются. Нам надо в часть возвращаться, и, затарившись у моих гостеприимных земляков продуктами, мы погрузились в машину и покинули затерянный в горах посёлок.

На следующий день наша группа уже находилась в Краснодаре, мы ждали попутного поезда на Павловскую и, пока время свободное имелось, разбрелись по городу. Кто куда, а меня ноги понесли в центр, на улицу Красную, где я бродил с открытым от удивления ртом и наблюдал жизнь настоящего столичного мегаполиса, в котором проживало почти восемьдесят тысяч человек. Высотные дома с окнами из стекла, электричество, множество машин, трамваи, кругом радиорепродукторы, впечатлений от настоящей цивилизации было очень много. Пару часов я только ходил и наблюдал за столичной жизнью, но всё же встряхнулся, отбросил прочь от себя это очарование большим городом и направился в самый известный столичный магазин, торгующий оружием.

Пятиэтажный жилой дом, новостройка, на первом этаже магазин и вывеска гласит: «КОФ – Краснодарская Оружейная Фабрика. Семейное предприятие братьев Семёновых». Нормально, я нашёл то, что искал, и вошёл внутрь. Надо сказать, что от настоящего оружейного магазина я ожидал многого, но был разочарован. Да, оружие имелось, но на три четверти ассортимента – холодное. Шашки, сабли, кинжалы, ножи, арбалеты и даже допотопные копыя заполнили большинство стен и прилавки. Да, были и огнестрелы, но в большинстве своём – гладкоствольные охотничьи ружья и ни одного нарезного образца. Имелись и пистолеты, но только три вида, и именно те модели, какие выпускались непосредственно в КОФе.

Первая модель – с ней всё ясно – очень и, повторюсь, очень плохая попытка скопировать пистолет Макарова, который широко использовался в войсках и правоохранительных структурах до Чёрного Трёхлетия и всеми остальными гражданами во время него и после, в Эпоху Хаоса. Не знаю почему, но у КОФа не получилось его сделать таким, каким ему быть должно,

он постоянно клинил, давал осечки, и в нашем батальоне ношение выпущенных краснодарскими оружейниками «Макаровых» считалось признаком глубокого непрофессионализма и лёгкого дебилизма. В общем, этот пистолет отвергался мной сразу же, и даже его низкая цена, всего два золотых, не могла повлиять на мое мнение.

Второй образец – револьвер системы Нагана, простой в использовании и в производстве, а оттого сделанный на совесть. Хм, в моей группе наши доморожденные специалисты, сидя вечерком в палатке, про него неплохо отзывались. Нагнувшись к витрине из бронестекла, прочитал заводские характеристики нагана. Вполне так ничего, масса семьсот семьдесят грамм, в снаряжённом состоянии – восемьсот пятьдесят, дли на – двадцать четыре сантиметра, число нарезов в стволе – четыре, калибр 7,62 мм, в барабане семь патронов, начальная скорость пули – триста двадцать метров в секунду. Нормально и, учитывая, что прицельная дальность пятьдесят метров, а максимальная около трёхсот, совсем хорошо. Опять же цена не очень большая – три золотых и гарантия на него три месяца. Подумаем.

Третьим пистолетом, который выпускался на семейном предприятии братьев Семёновых, был очень сильно переделанный незабвенный ТТ-33, придуманный талантливым тульским оружейником Фёдором Токаревым ещё в начале прошлого века и долгое время использовавшийся в Советской армии. К этому пистолету я решил присмотреться особо, так как выпускался он малыми сериями и гарантия на него давалась аж шесть месяцев. Правда, и цена была выше, чем у предыдущих образцов, – пять золотых, как сказал бы Ванька Тарасов, это две с половиной коровы. Одно слово – дорого.

Однако ТТ мне понравился сразу: чёрный ствол, обрешиненная рукоять и маленький герб Конфедерации, выдавленный на ней. Весь он производил впечатление надёжного оружия, и казалось, пистолет шептал: «Купи меня, я не подведу». Вчитался в характеристики: длина почти двадцать сантиметров, масса – восемьсот шестьдесят грамм, снаряжённый – девятьсот шестьдесят, калибр 7,62 мм, начальная скорость пули – четыреста метров в секунду, прицельная дальность – пятьдесят метров, максимальная – почти четыреста, ёмкость магазина – восемь патронов. Да, уж всяко лучше, чем наган и уж тем более «Макаров». Но цена... вот основной вопрос для данной покупки – и жаба душила меня нещадно. Блин, две с половиной коровы.

Я отошёл от прилавка, прошёлся по залу, приценился к ножам, вновь вернулся, тоскливо вздохнул и вновь отошёл. И вот, когда я уже совершил свой третий подход к витрине с пистолетами, видя мои терзания, ко мне подкатился продавец-консультант, полненький седоватый дедушка.

– Могу ли я вам чем-то помочь?

– Вот, – кивнул я на ТТ, – присматриваюсь, но уж больно он дорог.

– На то есть причины, молодой человек, и, поверьте слову старого и многоопытного оружейника, пистолет стоит этих денег, и именно поэтому на него выдаётся такая долгосрочная гарантия. Мы уверены в своём оружии, а эта модель особенно хороша и только неделю назад появилась на прилавке нашего магазина. Но если вас не устраивает цена, то вы всегда можете приобрести «Макаров».

– Так ведь это барахло.

– Согласен, – флегматично поддержал меня продавец, но тут же поправился, – но ведь стреляет же.

– Нет, «Токарева» хочу, по виду и характеристикам – классная машинка. Однако дорогая. Да и люди говорят, что живучесть у него не очень, изнашивается быстро.

– Говорят, что в Москве кур доят, так что же, всему верить? Этот пистолет является ТТ только по внешнему виду, но он полностью изменён и переработан нашими оружейниками. Да, в старых ТТ были проблемы, и это было связано с целым рядом причин, тут и быстрый износ, и не очень удачный, излишне мощный патрон, но проблемы были решены. Теперь пистолет делается из совершенно нового сплава, разработанного перед самым Чёрным Трёхлетьем, и

в его конструкцию внесён ряд мелких, но очень важных изменений, надёжность повысилась в десятки раз, а оттого и гарантия на него полгода. Данный пистолет вне всяких сомнений является гордостью КОФа. Да вы сами посмотрите, молодой человек, – он завёлся и вынул из-за спины точно такой же ТТ, как и на витрине, – предохранитель изменён, небольшой, надёжный и удобный, магазин переработан, улучшена его фиксация, да и рукоять, вы только посмотрите...

– Что рукоять? – Я не понимал всех восторгов продавца.

– Понятно, – дедушка убрал пистолет обратно, себе за спину, – вы не специалист и не фанат.

– Нет, не фанат, – согласился я с ним и спросил: – Так что с рукоятью?

– Угол наклона изменён, рукоять стала гораздо удобней и эргономичней.

Что такое «эргономичней», я не понял, но это слово меня добило окончательно, и я выпалил:

– Беру!

– Ну, так сразу-то не надо, не торопитесь, молодой человек, – он открыл витрину, вынул пистолет и передал его мне, – походите, к стволу примерьтесь, поносите его, а там и решите окончательно, брать его или нет.

Минут через двадцать, наигравшись со своим новым приобретением, первым серьёзным в моей жизни, я подошёл к кассе. Предъявив свой военный билет, выданный мне в батальоне и действующий как паспорт на всей территории Кубанской Конфедерации, я оплатил покупку и, пока шло оформление пистолета, имевшего, кстати, серийный номер 000 140, разговорился с продавцом.

– Какой боеприпас будешь брать, гвардеец? – посмотрев в мой документ, спросил продавец.

– А какой есть?

– Два вида: стандартный и специальный. Стандартный боекомплект идёт по пять монет серебром сотня, а специальный – по восемь серебряшек.

– И в чём разница?

– Стандартный – это самые обычные «тэтэшные» патроны, а специальный боекомплект – патроны с экспансивными пулями. – Видя моё непонимание, добавил: – Это те, которые при попадании в тело другого человека раскрываются, как лепесток цветка. На груди противника маленькое отверстие, а на спине дыра, в которую голова войдёт.

– Давайте сотню специальных патронов и стандартных для пристрелки три десятка. – У меня из кармана ушёл последний золотой.

– Сделаем, – согласился консультант. – Кобуру возьмёшь?

– Деньги кончились, – пожимая плечами, улыбнулся я.

– Бывает и такое, но не унывай, заработаешь ещё, – старик улыбнулся в ответ и кивнул на пистолет, – может быть, что и с его помощью.

– Скажите, – я обвёл магазин взглядом, – почему стрелкового вооружения так мало? Насколько я слышал, КОФ многое выпускает, а здесь одни гладкостволы и три вида пистолетов.

– Не обращай внимания, это временное явление. Про посольство горцев с Кавказа слышал?

– Ну, слышал, конечно.

– Всё оружие джигиты по корню скупили – и винтовки, и пистолеты, и гранаты, а патроны, так миллионами штук со склада увозили. Гребли так, как если бы последний день на земле жили. Хотя им деваться некуда, с юга Новоисламский Халифат поджимает, а «индейцы» упёртые, на перевалах сидят и бьются, как черти, не желают их к себе пускать.

– Так я не пойму, горцы ведь тоже исламисты, могли бы и пропустить орду, и покориться.

– Вот, – дедушка назидательно вонзил палец вверх, – ключевое слово – покориться. Как показала практика и история, наши горцы покоряются только тогда, когда им это выгодно сулит,

а Халифат, кроме бедности и сотен тысяч озлобленных попрошаек из пустыни, им ничего не несёт. Это не времена перед чумой, когда в Кавказ миллиарды из Москвы вливали, сегодня, если южане горцев к земле пригнут, всё наоборот будет. На фиг, спрашивается, такая покорность? Да и с религией, скажу я тебе, парень, там не всё так гладко. Кавказцы в большинстве своём мусульмане – факт, но в Халифате новый пророк, который называет себя воскрешённым Магомедом, а это всё же полная ересь.

Пообщавшись с продавцом ещё какое-то время, я зарядил пистолет – имею как военнослужащий на это полное право, – сунул его за пояс и направился на вокзал. Прибыл без опозданий, мы загрузились в вагон, пассажирский, удобный и тёплый, и без излишней суеты, попивая в дороге сладкий чаёк и флиртуя с молодыми симпатичными проводницами, отправились домой. Вот так вот, сам не заметил, как за эти месяцы батальон стал для меня настоящим домом.

Ещё через двое суток все мы без потерь и дорожных происшествий прибыли в нашу роту. Планшет был передан Ерёменко, и наша временная группа, неплохо сошедшаяся в дороге, разбежалась по своим подразделениям. По прибытии меня ждала новость: рота полностью забивала на все работки и приступала к боевому слаживанию. Это значило только одно – война где-то совсем рядом, а раз есть такой приказ нашего комбата, весной мы перейдём в наступление и, как всегда, гвардия будет впереди всех на белом коне. Гадство, лишь бы не в чёрном гробике, хотя сам ведь о войне мечтал, вот и посмотрю на неё, какая она, в разной степени талантливости описанная писателями-романистами древних времён.

Глава 6

*Кубанская Конфедерация. Станица Кисляковская
01.03.2057*

Месяц пролетел, совсем его не заметил. В нашей роте всё это время шло боевое слаживание подразделения, и считать дни было попросту некогда.

Что есть боевое слаживание роты спецназа? Разумеется, я этого не знал, но делал то же самое, что и ветераны, так что для меня всё прошло вполне стандартно. Первая неделя – это индивидуальная подготовка бойцов, и каждый день мы занимались только теоретической подготовкой – сидели в палатках, а инструкторы, офицеры нашей же роты и особо продвинутые сержанты, впахивали в нас полезные знания. В основном это касалось минно-подрывного дела, медицины и тактических приёмов наших будущих противников, кочевников-«беспределов». В общем, внимательно всё слушаешь, запоминаешь, а в конце дня сдаёшь небольшой устный экзамен. Если инструктор доволен, всё путем, зачёт, а вот если нет, то командир твоей группы – в моём случае капитан Черепанов-третий – даёт нагоняй командиру отделения, и уже он занимается твоей подготовкой индивидуально и в ночь. Так что мне хватило одного раза, чтобы понять, что если инструктор что-то говорит, то надо его слушать, а не кемарить тихонечко в уголке возле печки.

За первой пришла вторая неделя, и началась подготовка подгрупп, то есть троек. Я вошёл в левый боковой дозор нашей третьей группы, позывной Мечник, и кроме меня, разведчика, в ней же были ещё один разведос, Миха Якимов, он же Як, и старший разведчик-пулемётчик Игорь Павлов, позывной Игорян. Тройки тренировались просто: нас с самого утра выгоняли на полигон за лагерем, и весь световой день мы бегали по грязному полю и расстреливали мишени, которые сами же и устанавливали.

Рывок вперёд, мы с Яком мчимся в сторону мишеней, а пулемётчик нас прикрывает. Перекат, падаем в грязь, бьём короткими очередями по мишеням. Теперь уже мы прикрываем Игоряна, а он зигзагами скачет по полю и плюхается в лужу чуть впереди нас. Так прогон за прогоном, с утра и до позднего вечера, и только в последние пару дней грязное поле сменяется на развалины станицы Кисляковской.

В конце этой тренировочной недели я сам для себя подсчитал, сколько БК вмолотил по фанере. И охренел. Получилось, что только я один израсходовал почти две тысячи патронов, столько же мой напарник Як, а про пулемётчика и говорить нечего, у Игоряна расход боезапаса перевалил за четыре тысячи. Затраты бешеные, тем более по нынешним временам, но, видимо, начальство считало, что это окупится. Лично нам это принесло только пользу, и наша тройка спелась настолько, что порой мы друг друга и без слов понимали, а работу подгруппой вели на автомате, не отвлекаясь на лишние раздумья и не выдумывая ничего нового.

Наступила третья неделя, пошла работа всей группой, тактика в лесу, ночёвки на снегу и бродилки вокруг нашего базового лагеря. По лесу передвигается группа, ведёт поиск, и всё как положено – головной дозор, боковые, центр, тыл. Идёт приказ по рации, и другая группа организует на неё засаду. Происходит бой, учебный, разумеется, и стрельба только холостыми патронами – нам, что удивительно, и такой боеприпас подвезли. После боя – разбор, кто и сколько бойцов потерял, в чём ошибки и как их исправить. Вновь движение, группы расходятся, и, кто на кого организует следующее нападение, никто не знает, кроме командира роты, который действовал по одному ему известному плану и графику. За эти семь дней, минус один, сутки сидели на блокпосте, наша группа шесть раз «вступала в бой», три раза организовывала

засады и три раза налёт. Практика – великая вещь, и за время таких тренировок данную простую истину я усвоил чётко.

Четвёртая неделя началась с тревоги, и вся рота, кроме одной дежурной группы, которой конкретно повезло, во главе с Ерёменко в течение пятнадцати минут покинула расположение базы и ушла в лес. Ночь, мороз, ветки трещат, а сто с лишним человек, нагруженные рюкзаками с боезапасом, вещами, продовольствием и оружием, топают по ночным дебрям. Такая вот тренировочка, продолжавшаяся трое суток с краткими остановками. После этого изнурённые и усталые бойцы роты разбили лагерь и забазировались, сутки отдохнули и двинулись обратно.

Правда, назад пошли совсем не так, как шли в леса. Командиры подразделений кинули монетки, и одна из групп с форой в два часа первой вышла из лесного лагеря. Это – «жертва», которую остальные – «хищники» должны были догнать раньше, чем она достигнет базового лагеря под Кисляковской. Так начались «скачки», а «жертвой» выпало быть нам.

Трое суток продолжалась «погоня», мы рвали жилы, проклинали всё на свете, но не оставались и, как стадо лосей, ломались через дебри к родным палаткам. Однако те, кто шёл позади, тоже не хотели проиграть, были совсем не хуже, чем мы, и, когда до лагеря оставалось всего ничего, километров восемь, нас всё же настигли. В сложившейся ситуации наш командир принял единственное верное на тот момент решение. Капитан оставил на пути преследователей заслон из самых истомлённых бойцов, а сам с остатками группы сделал один конкретный рывок, вложил в него последними своими силами и выиграл.

По возвращении в лагерь весь личный состав роты, который участвовал в заключительной тренировке, четыре дня ничего не делал, валялся брюхом кверху в своих палатках и вставал со спальников только для того, чтобы в очередной раз перекусить и выйти в туалет. Сегодняшнее утро застало меня за чтением. Я лежал возле мутноватого окошка и перелистывал толстую, прошитую суровыми нитками тетрадь, на обложке которой была надпись «Алексей Черепанов. Подготовка бойца спецназа. Тактика. Снаряжение. Вооружение». Отличнейшее пособие, написанное самым первым командиром нашей второй роты и дедушкой нашего командира группы подполковником Черепановым сорок лет назад, в далеком 2017 году.

Уже не в первый раз я перечитывал эту тетрадь и каждый раз находил в ней что-то новое для себя. Например, постоянно сравнивал нас и их, наших далёких предков, выживающих во время чумы и последовавшего после неё хаоса. По физическим кондициям, что бы там ни говорил капитан Максимов из учебки, мы им ничем не уступали, а может, и превосходили, но в плане образования были на самом низком уровне, а во всём виноваты смутные времена, лишившие нас учителей, великого множества книг и системы образования. Как следствие, налицо наше техническое отставание. Где компьютеры, самолёты, ракеты, вертолёты, спутниковая связь, Интернет? Этим самым продвинутым технологиям прошлого нет, а мы только выживаем на остатках былого величия. Хотя, конечно, некоторое количество компьютеров сохранилось до сих пор, да и мобильные телефоны имелись, пусть разговоры по ним и нельзя было вести, но фотокамеры и радиоприемники в них по-прежнему были востребованы. Многого забыто и похерено, с каждым годом забывается всё больше, и будет ли возрождение, про которое так много говорит по радио наш президент Симаков, лично я просто не знаю. Хочу верить в золотой век, но в реальности, несмотря на всю силу и блеск нашей Конфедерации, вижу откат в прошлое.

Чего далеко за примерами ходить, взять хоть наш батальон и армию в целом и повести разговор про наше оснащение. В тетради подполковника Черепанова описаны многие виды стрелкового и тяжёлого вооружения, и он писал о них как о чём-то естественном и обыденном, что находится рядом и готово к применению. Но прошли годы, и где все эти ВСС, АС «Вал», ОЗМ-72, МОН, РПО, РШГ? Их нет, за минувшие десятилетия всё это исчезло без следа, истратилось, пришло в негодность, выработало ресурс, а ремонтировать тот же «Печенег», про который я столько слышал, но ни разу не видел, было просто некому. Да, есть наш центр,

город Краснодар, в котором производят оружие, но все наши оружейные заводы не в состоянии собрать из запчастей ни одного рабочего вертолёта, ни одного продвинутого танка и ни одной мощной САУ. Всё, что они сейчас могут, это создать что-то своё, попроще и полегче. Кое-что у нас в батальоне было, конечно, мы же гвардия, но два десятка БТРов, несколько танков и батарея самоходных орудий с ограниченным боезапасом – это капля в море и на общем фоне значат очень мало.

Положим, над проблемой нашего технологического отката в прошлое наверняка не только я размышляю, но и более умные головы, которые наверху сидят, а человек – такое существо, что если поставит перед собой цель, то обязательно её достигнет, если доживёт до получения конечного результата, естественно. Опять же, мир не заканчивается на нас, жителях Кубани, есть Московский диктат, который рубится в окружении кочевых орд, есть Уральская Республика, Китай, который объединяется и пытается вспомнить славное прошлое, да и за океанами, как говорят, что-то имеется – мощные радиостанции регулярно ловят сигналы из Южной Америки. Кто-нибудь, а вытянет наверх, хотя, разумеется, хотелось бы, чтобы это были мы.

– Что, всё мечтаем, Мечник? – Ко мне подошёл наш группник, стройный и всегда подтянутый брюнет, капитан Черепанов-третий.

– Да, товарищ капитан, размышляю, – повернулся я к нему.

– Собирайся, Ерёменко вызывает. – Он по-свойски подмигнул мне и вышел из палатки.

Мне собираться недолго, на тело – куртку, на голову – шапку, на ноги – сапоги резиновые – и на выход. Догнал я капитана уже возле штаба, и внутрь мы вошли вместе. Ближний круг майора Ерёменко, включая нас двоих, был в сборе – два группника и шесть сержантов. Сам командир роты, как всегда, сидел за столом, а мы с Черепановым примостились на лавку рядом с другими собравшимися.

Майор оглядел всех и начал разговор:

– В общем, так, товарищи мои. До всей роты то, что я вам сейчас скажу, доводить не надо, всему своё время, а вы – моя опора и знать новости должны чуть раньше, чем другие военнослужащие. Через три дня мы получим приказ президента о развёртывании нашего батальона в бригаду, численность личного состава будет увеличена до двух с половиной тысяч. В бригаде будет мотострелковый батальон, два разведбата и один батальон спецназначения. Я становлюсь комбатом спецов, с вышестоящим командованием всё решено. К чему этот разговор, понимаете?

Все присутствующие промолчали, и только Черепанов откликнулся:

– Не томи, командир, что от нас требуется?

– В нашем батальоне будет четыре роты по четыре группы в каждой, бойцы нужны.

– Куда ещё? – отозвался командир первой группы, младший брат нашего майора, Ерёменко-четвёртый, совсем не похожий на своего здоровяка-брата, среднего роста и абсолютно лысый мужичок. – Через месяц в наступление переходим, и кто воевать будет?

– Спокойно, – майор улыбнулся своему брательнику, – завтра первая рота из рейда вернётся, они и займутся обучением новобранцев. От себя мы только две группы в новые подразделения отправляем, а четыре так и останутся второй ротой, которая и потянет на себе основную работу в весеннем наступлении.

– И где мы сейчас рекрутов возьмём?

– Это я у вас и хотел узнать. – Ерёменко закурил. – Может быть, у кого-то идеи есть, где нам бойцов найти? Через пару дней новость разнесётся по всем подразделениям и каждый озаботится новыми солдатами. Пока у нас есть двое суток форы, и мы наших конкурентов в борьбе за человек опережаем.

– В Тихорецк смотаться, в Кропоткин и по станицам окрестным проехаться, – предложил Черепанов.

– Не вариант, всё, что можно, мы уже из этих мест выгребли.

– У территориалов попробовать людей переманить, – отозвался Исмаил-ага.

– Тоже не то, территориалы нас и на дух не переносят, а если найдётся кто-то, кто захочет к нам перевестись, то такая волокита с документами начнётся, что лучше об этом и не думать.

Больше предложений не было. Не знаю, что меня дернуло, и я сказал:

– Беженцы.

– Повтори. – Майор посмотрел на меня.

– Беженцы из Донского Царства, товарищ майор. Они находятся недалеко отсюда, в станции Новолеушковской, которая между Тихорецком и Павловской. По слухам, их там скопилось до семи тысяч человек. Правительство, конечно, их расселяет потихоньку, но они прибывают постоянно. Нам ведь человек сто пятьдесят нужно, так неужели не найдём?

– Голова, – уважительно протянул ротный. – Вот что значит свежий взгляд. Черепанов, – он кивнул моему группнику, – собирайся в дорогу, возмёшь десяток бойцов при оружии, Мечникова, рацию – и вперёд. К вечеру жду доклада, что и как в лагерях беженцев. Если есть вариант набрать там рекрутов, то завтра организуем автоколонну, приедем и всех, кто нам необходим, заберём. Вопросы?

– Семейных братья? – спросил капитан.

Ерёменко подумал и кивнул:

– Да, если ценные кадры, то бери. После того как с остатками Донского Царства разберёмся, свой лагерь будем ставить и семьи из бригады подтянем.

– Командир, – голос подал брат майора, который не наедине был с ним предельно официально, – как полковник Игнатъев видит дальнейшее положение дел? Ты с ним об этом разговаривал?

– Говорил, и он сказал, что всё будет как в старые времена. В бригаде остаются все вспомогательные структуры и рота охраны, а батальоны, где бы они ни находились, всё равно будут подчиняться ему и его штабу.

– Ясно, – пробурчал командир первой группы.

– Раз ясно, тогда все свободны. Мечников, останься.

Собрание было окончено, все разошлись, и мы остались вдвоём. Майор порылся в ящике своего стола и положил передо мной две золотистые металлические лычки, какие на погон камка цепляются.

– Это мне? – задал я уточняющий вопрос.

– Тебе, – усмехнулся ротный. – Можешь уже сейчас прицепить, а приказ по роте сегодня вечером пройдёт. Так что поздравляю тебя, Мечник, с внеочередным воинским званием младшего сержанта.

– Служу Конфедерации.

– Это хорошо, что служишь, правильно.

Он вновь порылся в столе и достал знакомый мне планшет, раскрыл его и вынул карту, которую сразу же разложил на столе.

– Карта моего отца?

– Она самая. Долго я с ней возился, но всё же разобрался, что здесь и как.

– А зачем вы её мне показываете?

– Хм, вопрос интересный. Наверное, потому, что отца твоего помню. Мы с ним хоть и не были никогда друзьями, но вот врезался он мне чем-то в память, а ты его наследник, да и карту добыл именно ты, а не кто-то другой. В общем, ты в этом деле будешь задействован в любом случае.

Склонившись над картой, я спросил:

– И где склад?

– Не склад, а склады. Их три. Местоположение известно, но что в них находится, непонятно. Даже намёка нет. Вот здесь, – он ткнул в карту пальцем, – недалеко от Аксяя, ещё в прошлом веке плодоовощной совхоз был, там подвалы обширные имелись под вино и фрукты. Когда в России, ещё до Чёрного Трёхлетия, развал начался, перестройкой назывался, совхоз зачах, сады вырубали, а подвалы забросили. Вот в них-то отец твой и товарищи его и сделали основной склад. Кроме него, есть ещё два, поменьше, но они в соседних населённых пунктах.

– Командир, а что вы будете делать с тем, что мы добудем?

– Сначала добыть надо, а потом уже думать. Если что-то действительно стоящее, например оружие, которое боеготово и не сгнило, то часть себе оставим, а часть в бригаду отдадим. Мы ведь не анархисты какие, правильно, Мечник?

– Так точно, не анархисты.

– Вот если бы мы независимым наёмным отрядом были, тогда всё для себя, а так, что поимели, тем и поделились. Ладно, – майор свернул карту, – можешь идти.

Покинув штаб, я приготовился в дорогу: набрал в свой РД харчей, вооружился верным АКСом и ТТ. Вскоре наш отряд тронулся в путь, и через несколько часов мы были на месте, в лагере беженцев, расположившемся возле станицы Новолеушковской.

За последние месяцы повидал я многое, но то, что открылось нам в сборном пункте для беженцев, по эмоциям перехлестывало всё. Огромное грязное поле, некогда выгон для скота, обнесено колючей проволокой, вокруг охрана из вооружённых карабинами территориалов. За колючкой длинные дощатые бараки и между ними – тысячи оборванных и исхудавших людей, слоняющихся без всякой цели. Но не это сразу же бросилось в глаза, а поляна вдоль дороги, на которой торчали из земли сотни свежих деревянных крестов. Видимо, по зиме тут было совсем хреново, и народ мёр как мухи.

– Мля-я-я, – протянул Черепанов и со злостью посмотрел на сытых, откормленных охранников, – натуральный концлагерь здесь устроили. Ну, шакалы!

Ветераны, которые с нами поехали, защёлкали затворами автоматов, а мой комод, Филин, спросил капитана:

– Череп, что делаем? Может, завалим этих уродов? – Он кивнул на территориалов.

– Палёво, Филин, попробуем по-нормальному с ними разбежаться, но, если кто рывнется, стреляйте на поражение.

– Как скажешь, – кивнул комод.

Наш «Урал» остановился подле чистенького, аккуратного домика возле въезда на территорию лагеря, из которого тут же вышел пожилой вальяжный человек в шикарной бобровой шубе и четырехугольной кепке, какие носят некоторые чиновники республиканской администрации. Черепанов перепрыгнул через борт грузовика, подошёл к чиновнику и, небрежно козырнув, представился:

– Капитан Черепанов, Четвёртый гвардейский батальон, прибыл в лагерь для перемещённых лиц для набора рекрутов, готовых служить в частях гвардии Кубанской Конфедерации.

– Смехов, Пал Палыч, – растерянно ответил чиновник. – У вас имеются соответствующие бумаги?

– Нет, мы действуем в соответствии с воинским уставом Конфедерации от 2052 года, по которому во время войны гвардейские части имеют право набирать добровольцев там, где посчитают нужным. Вы в курсе, что у нас война?

– Конечно, – подтвердил Смехов, выпятил грудь и приосанился. – Однако я не могу пустить вас на территорию лагеря, он закрыт на карантин.

– Карантин так карантин, – усмехнулся капитан и обернулся к машине: – Радист, вызывай на связь столицу, уточним в администрации президента, что это за болезнь такая по нашим просторам гуляет, про которую никто не знает.

– Зачем же сразу столицу? – сразу забеспокоился чиновник, ни разу в жизни не видевший армейской радиостанции и не знавший, что наша старенькая Р-147 «Багульник» только теоретически способна достать до Краснодара, находящегося от нас в трёхстах километрах.

– Ничего. – Капитан искоса посмотрел на Смехова. – Сейчас выйдем на связь с Верховным, и если выяснится, что вы нас обманываете, то не обессудьте. Мы вас, – офицер кивнул на стену дома, – вдоль этой стеночки выстроим и всех расстреляем к едрёной фене.

Чиновник посмотрел на нас, занимающих оборону вокруг капитана, и на своих солдат, старающихся отвалить в сторонку, тоскливо вздохнул, как-то сдулся и резко сменил тон разговора:

– Может быть, договоримся, капитан?

– Конечно, Пал Палыч. Нам ведь лишняя суета не нужна. Ну, постреляем мы вашу гоп-компанию, которая людей голодом морит и наверняка беспределит здесь по-чёрному, а потом стой здесь, охрану налаживай и вас закапывай. Нет, это только в крайнем случае, если нас к этому обстоятельства принудят.

– Сколько людей вам нужно?

– Много, но сначала контингент надо посмотреть.

Смехов ещё раз вздохнул и дал своим охранникам приказ нам не препятствовать. Пять человек остались возле машины, мало ли что, вдруг местный начальник передумает, а Черепанов, пятеро бойцов и я вошли на территорию лагеря.

Только зайдя за колючку, понимаешь, что попал в полное дерьмо. Почему? Да по той простой причине, что оно было вокруг. Охренеть! Люди бежали от «беспределов», надеялись на что-то, на них выделялись деньги и продовольствие из государственной казны, а здесь – нате вам, отобрали всё, что было, кинули в бараки посреди чистого поля и даже лопату не дали, чтоб яму выгребную выкопать. Мать их, разэдак, этих территориалов. Падлы!

Черепанов вышел на более-менее незагаженное пространство, видимо, здесь местная власть народу продукты раздавала, и остановился. К нам сразу же стали стягиваться угрюмые люди, и кто-то просительно протянул ко мне руку, мол, дай поесть. Да, жаль беженцев, но сначала дело.

– Люди, – выкрикнул капитан в толпу, – я представитель Четвёртого гвардейского батальона, который вскоре направится на Дон освобождать ваши дома от кочевников-«беспределов». Нам нужны солдаты. Кто желает вступить в гвардию?

Толпа зашумела, а кто-то громко спросил:

– А как у вас со жратвой?

– С этим вопросом всё хорошо, паёк такой, что и эти, – Черепанов кивнул в сторону ворот и скопившихся возле них территориалов, – позавидуют.

– А деньги? – всё тот же голос.

– Два золотых в месяц в боевой части и один во вспомогательной.

– А семьи?

– Без проблем, но только для хороших специалистов.

– Где расписаться? – Протолкнувшись через толпу, к нам вышел худой, больше похожий на скелет, обтянутый кожей, чем на человека, высокий мужчина.

– Подожди с росписью. Надо посмотреть на тебя, кто и что умеешь и как со здоровьем. – Капитан окинул его взглядом и обратился к Филину: – Займись, комод, но не затягивай, не более пяти минут на человека. Остальным то же самое – опрос будущих рекрутов. Давай, парни, время поджимает.

Мы начали выдергивать из толпы желающих записаться в гвардию мужиков и опрашивать их. Переговорил с одним – не то, здоровье пошаливает, что-то серьёзное с сердцем, отказ. Второй человек – нога покалечена, но говорит, что разбирается в технике, отправил его к капитану, пусть он решает. Протиснулся третий, голодный, худой и истощённый, но боец, в армии

царя Ивана служил, дезертир, а значит, годен. Лица мелькали перед глазами, сливались в одно, и уже к вечеру я не помнил ни одного из тех, с кем разговаривал в этом лагере, глаза закрываешь и видишь одну тоскливую маску, которая озабочена единственной мыслью, что бы съесть.

Пришла ночь, мы забрали всех, кто был нам нужен, и вывели за пределы лагеря. Капитан выбил у Смехова одеяла и продукты, и мы смогли сразу накормить бывших беженцев, готовых стать гвардейцами. Их оказалось сто семьдесят человек, а в нагрузку к ним – их близкие и родня, ещё триста человек. Сами мы ложились спать голодными – не было сил смотреть на остававшихся за колючкой людей, и всё, что у нас имелось в запасе съестного, раздали им. Ничего, в животе побурчит, но хоть совесть мучить не будет.

Глава 7

Донское Царство. Батайск
25.04.2057

Наступил «день X», и собранные в ударный кулак части гвардии и войска быстрого реагирования, более трёх тысяч бойцов при поддержке бронетехники, придерживаясь автомагистралей М29 Ростов-Баку, двинулись на север зачищать территорию бывшего Донского Царства от «беспределов». Как там говорил по радио президент Симаков: «Вперёд, мои воины! Пройдите дорогу к городу, где находятся в блокаде десятки тысяч мирных граждан, желающих присоединиться к нашей Конфедерации, оплоту цивилизации в мире хаоса! Смерть „беспределам“! Пленных не брать!» Красиво сказал, правильно и по существу, сразу видно, что наш человек. В общем, команда дадена, время засечено, поехали. Хотя поехали – это я загнул, конечно, в основном всё же пешедралом тронулись, а вот стройбригады, прокладывающие дорогу сразу за нами, под охраной территориалов, те да, на машинах, конными обозами и по железнодорожной ветке передвигались, но не быстро.

От станции Куцевской, нашего крайнего пограничного форпоста, до самого Батайска шла нейтральная и никем не заселённая земля, и день сменялся днём, а мы, как на учениях, продвигались по разрушенной и заросшей кустарником автостраде. Всё было спокойно, но мы не расслаблялись, поскольку первая рота, бродившая по пограничным территориям этой зимой, неоднократно наблюдала массовые миграции кочевников в сторону Дона, так что рано или поздно, а нам придётся с ними перевестись.

Надо бы объяснить, кто же такие кочевники-«беспределы», против которых, собственно, и велась военная кампания, в которой я принял непосредственное участие. После того как минуло Чёрное Трёхлетие – да будь проклят тот мудака, который расплыл вирус чёрной оспы, – многие люди, уходя от кровавого хаоса, царившего в городах, скрылись в заволжских лесах. Рыли землянки, норы, выживали, как могли, и это у них получилось. Буквально за два-три поколения они размножились, но при этом и деградировали сильно, превратились в животных, повинующихся инстинктам и похерившим здравый рассудок. Какая там письменность, образование, мораль, закон или ещё что-то, главным для них стало выживание. Охота, собирательство, мародёрка, а в голодные годы и каннибализм – вот основные занятия, которыми они жили сорок лет подряд.

Однако в 53-м году по неизвестной причине их одичавшие первобытные племена вывалились из Заволжья и двинулись в нашу сторону. Первоначально, пройдя по Сальским степям и обогнув озеро Маньч, они вышли на наше пограничье, но под Белой Глиной, куда срочно был переброшен Первый гвардейский батальон, передовую орду разнесли в пух и прах, а идущие за ними вслед, почувствовав слабость Ивана Седьмого и его армии, развернулись на Ростов. И вот прошёл всего год, и от Донского Царства остались лишь ошметки, которые наш президент решил к себе поближе подгрести, а три орды, с центрами в Батайске, Зернограде и Сальске, нависали над нашими северными и восточными границами.

Как-то я слушал по радио выступление одного умника из столицы, который долго разглагольствовал о «беспределах». Времени на это угробил час и вывод для себя сделал только один – ни черта этот чувак, называющий себя учёным, не знает, а первобытные племена кочевников, прозванных за жестокость и цинизм «беспределами», никакие не люди, а самые настоящие хищники на двух ногах. Причём нормальное хищное животное никогда не берёт больше, чем ему нужно, а эти меры не знают и без всякой пощады истребляют не только животный

мир, но и всех людей, которых встретят на своём пути. Каннибалы, ёлки-палки, кормовую базу истребили, покочевали дальше.

Никто не мог понять их феномена – как всего за сорок с лишним лет люди смогли так измениться. Для себя я отнёс их в разряд бешеных зверей, которые подлежат немедленной ликвидации, тем более что моя задача проста – пойти вперёд и поубивать всех, на кого мне командир укажет. Война начинается, и у меня есть в ней чётко обозначенная роль солдата Кубанской Конфедерации, который должен поменьше думать, побольше стрелять.

К городу Батайску, который прикрывает Ростов-папу с юга, мы вышли через десять дней. Вот здесь-то и зарубилась кровавая каша, причём первыми бой начали не мы, а сами кочевники. Уже на подходе, километрах в десяти от посёлка Пятихатки, навстречу нашей роте, которая была авангардом боевой гвардейской группы, вывалилась начавшая миграцию орда – небольшая, чуть больше тысячи человек, и в большинстве мужчины.

Как начался бой, толком не помню, и могу сказать честно, что, если бы не было рядом со мной ветеранов, переживших не одну мясорубку, может, я растерялся бы и побежал. Рассыпавшись тройками, как в поиске, наша третья группа двигалась вперёд, слева нас прикрывала первая группа, справа – вторая. В какой-то момент где-то впереди затрещал кустарник, послышался чавкающий топот множества бегущих по болотным лужам людей, но я этому внимания как-то не придал, подумал, что это стадо диких кабанов рыщет в поисках сочной весенней осоки с места на место.

– К бою! – первым, как ему и полагается, сориентировался Черепанов.

Громкий голос капитана вывел нас из ступора, и мы заняли оборону. Слаженно, буквально за двадцать секунд, боковые дозоры подтянулись к центру, развернулись по флангам, головной его прикрыл, а тыловой составил резерв. Перед нами была небольшая полянка, а за ней заросли какой-то зелёной и дурно пахнущей хрени, которая в один миг была подмята сотнями ног – выскочили они, те самые беспощадные и жестокие «беспределы», некогда люди, ставшие жить как животные.

– Огонь! – выкрикнул командир.

Вся группа ударила по противнику, и шквал огня, сметая всех, кто под него попадал, пронёсся по полянке. Плотность огня у нас была не слабая, а небольшую поляну обойти было трудно. Местность вокруг нас, куда ни глянь, болотистая, особо не побегаешь, а на тропинках слева и справа – другие группы нашей роты, но дикарей было много, а на потери им было плевать. Каждый из нас действовал так, как его учили, – ловишь в прицел человека, короткая очередь, не смотришь на падающего противника, пережат и стреляешь в другого. Перезарядка, всё по новой, и снова позицию меняешь, у «беспределов» огнестрелов немного, но они есть, а стрелять они умеют неплохо, наверное, по той простой причине, что стрелковое вооружение имеют только лучшие воины племени.

В какой-то момент дикари замялись, как если бы были готовы отступить, запаниковали, но позади них разнёсся протяжный, нудный звук, – потом я узнал, что это сигнальный рог, и они вновь побежали на нас. Кто-то, кажется Филин, выкрикнул:

– Внимание, собаки!

Это да, здоровенные волкодавы, натасканные рвать людей, – чуть ли не основная ударная сила кочевников, странно, что они их сразу впереди себя в бой не пустили. Как назло, у меня да и у большинства из наших бойцов, кто автоматами был вооружён, закончились заряженные рожки. Сам не заметил, как в горячке боя все восемь штук, что в разгрузке были, извёл. За спиной, в РД, ещё триста штук патриков россыпью, а толку от них, если их сначала в рожки забить надо, а тут как раз, обогнав кочевников, псы появились, десятка три лохматых чудовищ, каждый из которых размером с телёнка.

При виде оскаленных пастей и обнажённых клыков в голове появилась только одна мысль: «Что делать?» Мысль паническая и к добру не приводящая, но недаром меня по полям

и лесам гоняли, до рефлекса вбивали нужные моим командирам реакции. Тело, в отличие от головы, никакой паники не проявило и действовало как обычно. Руки выхватили готовый к работе ТТ, глаз намечал цели, и, стоя на одном колене, как на стрельбище, одного за другим, с одной обоймы я привалил трёх псов. Что интересно, ни одной пули мимо не положил, каждая в цель и каждая результативно, а боекомплект с экспансивными пулями оказался идеальным боеприпасом для уничтожения боевых собак. Спасибо тебе, добрый человек, продавец из оружейного магазина, за такой замечательный и так необходимый мне спецбоекомплект.

Пистолет сухо щёлкнул, обойма пуста, а пять волкодавов или человекодавов, кому и как лучше звучит, вломились в наши боевые порядки. Одна из тварей бросилась на меня, мы покатились по грязной траве, и я оказался под тяжёлой вонючей тушей. Всё, на что меня хватало, это удерживать обеими руками пса за шею. Животное ярилось, пыталось дорваться до моей обнажённой шеи, а из его пасти на моё лицо капала мерзкого вида тягучая слюна. Мы боролись, пёс был силен, но я его не отпускал, и сложилась патовая ситуация, когда псина не может меня загрызть, а я не могу даже до ножа дотянуться.

Выручил меня Як, прыгнувший на нас сверху и сапёрной лопаткой рассёкший животине черепок. Кровь и мозги полились на меня, тяжесть двух туш я не выдержал – хоть и крепкий парень, но всё же не Геракл, – руки разжались, и меня вдавило в грязь. Благо, сразу же и полегчало. Волкодава откинули в сторону и я смог встать на ноги. Однако ненадолго.

Следом за боевыми животными последовали «беспределы», выжившие под нашим огнём, и понеслась рукопашка. Мне прилетело сразу. Какой-то мелкий уродец на кривых ножках и с ожерельем из человеческих зубов на шее ткнул меня дубинкой в живот. Разгрузка, куртка и камуфляж удар смягчили, не без этого, но больно было так, что меня всего скрутило, и я вновь упал в грязь. Правда, сразу же откатился в сторону и тем сберёг свою бедовую голову от соприкосновения всё с той же самой дубиной. С полминуты, не меньше, катался я в грязи под ногами сошедшихся в смертельном бою людей, а кривоногий дикарь пытался меня укокошить. Хрен ему! Мне всё же удалось оклематься и вскочить на ноги. Дальше дело техники – перехватил дубинку левой рукой и коротким ударом справа в челюсть вырубил кривоногого.

Радоваться победе было некогда, надо было своим помочь, и всё, что я смог, это схватить оружие дикаря, упавшего мордой в грязь, и, орудуя этим дубиной, изобразить из себя былинного богатыря. Надо сказать, что это у меня получилось неплохо, двоих противников я уложил, а там мы их всё же задавили.

Бой затих сам собой. С десяток дикарей откатились от нашей позиции, им вслед метнули пяток гранат, и стало очень тихо. Мы сразу же подготовили своё оружие к бою, перезарядились и уже после этого подсчитали потери. Трёх наших бойцов дикари всё же убили, остальные все изранены, хорошо ещё, что легко, в основном ссадины и ушибы, без переломов и отрубленных конечностей. Правда, пропал Игорян-пулемётчик, боец из моей тройки, видимо, его уволокли отступающие дикари. Жаль парня, привык я к нему, а шансов получить его назад живым не было никаких. Дикари на то и дикари, что обмен пленных не практикуют.

Впрочем, учитывая, что против нас было сотни три «беспределов» и собаки, отбились мы легко. После этого боя нападений больше не было, а «беспределы» отступили и вернулись в развалины Батайска, где растеклись по подземным коммуникациям и подвалам, которые имелись на территории городка в большом количестве. Пойти на прорыв они не пытались, а как ни в чем не бывало, не реагируя на наши разведывательные группы, обходящие город со всех сторон, жили своей обычной жизнью. Одно слово – животные, некогда бывшие людьми. Есть непосредственная опасность – дерутся, нет – сидят на попе ровно, мяско пережёвывают.

Батайск, Красные Сады, Пятихатки и Койсуг, некогда составлявшие единый жилой массив, наши части, несмотря на большую заболоченность окрестностей, окружили быстро, всего за три дня. Передовые мотострелковые дозоры подошли к древнему Ворошиловскому автомагистральному мосту через Дон, который находился под контролем ополченцев Демократиче-

ского Фронта, и установили с ними связь. Почти победа, и оставался суший пустяк – войти в Батайск, где по самым скромным прикидкам было три большие орды, общей численностью до двадцати пяти тысяч рыл, и покрошить их в капусту. Делов всего ничего, решили в нашем штабе, и отдали команду на штурм городка.

На позиции выдвинулись все четыре бригадные САУ «Мста-С», десяток гаубиц Д-30 и полсотни 120-мм миномётов. Вокруг города заняли позиции все имеющиеся в распоряжении нашего, уже комбрига, полковника Игнатьева, гвардейские части, а полторы тысячи солдат из частей быстрого реагирования в это же самое время готовились наступать с юго-запада. Всё готово, люди ждут, а приказа нет. Проходит час, другой, и появляется некий высокий чин из столицы, лично приехавший посмотреть на войнуху. Его машина, какой-то приземистый вездеход чёрного цвета, стоит недалеко от нас, метрах в трёхстах, рядом охраны – не меньше полсотни бойцов, вооружённых с ног до головы, и наш полкан, что-то увлечённо рассказывающий ему и размахивающий руками. Стратеги, етить их всех в бога душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.